

ГЛАВА III.

Михайловскій.

(Апогей социологическаго индивидуализма).

„Бѣлинскій роди Чернышевскаго, Чернышевскій роди Добролюбова, Добролюбовъ роди Писарева“ — такъ беззубо насмѣхался когда-то мѣщанинъ Погодинъ надъ дѣятелями шестидесятыхъ годовъ. Параллельно съ этой генеалогіей, справедливой только для эпохи шестидесятыхъ годовъ, мы установили на предыдущихъ страницахъ и болѣе широкую идейную генеалогію: Герценъ — Чернышевскій — Лавровъ — Михайловскій; съ послѣднимъ изъ дѣятелей этого замѣчательнаго ряда намъ и предстоитъ теперь познакомиться.

Михайловскій соединилъ въ своемъ міровоззрѣніи всѣ положительныя стороны, и философско-исторической системы Герцена, и социальную-экономическую системы Чернышевскаго. Что взялъ онъ у перваго — мы отчасти видѣли, говоря о Лавровѣ; у Чернышевскаго же онъ взялъ основной пунктъ его народничества — раздѣленіе понятій „націи“ и „народа“; Михайловскій вполне принялъ то положеніе, что часто „національное богатство есть нищета народа“. Что важнѣе — народное благосостояніе или національное богатство? на этотъ вопросъ у Михайловскаго также не могло быть двухъ отвѣтовъ, ибо онъ всецѣло принималъ высказанный еще Чернышевскимъ, а ранѣе его еще Герценомъ и Бѣлинскимъ критерій блага реальной личности. Во главу угла всякаго міровоззрѣнія должны быть положены интересы реальной личности, а не абстрактнаго человѣка — такова была, вслѣдъ за Герценомъ и Чернышевскимъ, основная точка зрѣнія и Михайловскаго. Въ эти старыя формулы Михайловскій внесъ отъ себя два дополненія, и дополненія эти опре-

дѣлили собою все развитіе его міровоззрѣнія. „Народъ—это всѣ трудящіеся классы общества“—такое было первое дополненіе; второе вытекало изъ перваго и гласило, что интересы личности и интересы труда (т.-е. народа) совпадаютъ.

„...Все зданіе Правды должно быть построено на личности,—говоритъ Михайловскій;—... (но) конкретные политическіе вопросы представляются иногда въ такой сложной формѣ, что прослѣдить въ этой цѣпи за интересами и судьбами личности бываетъ очень трудно. Въ такихъ случаяхъ вмѣсто интересовъ личности вы поставите интересы народа или, точнѣе, труда“ (IV, 461)¹⁾. Этими словами впервые формулируется, пока догматически, подчеркиваемое нами положеніе. Благо народа (а отнюдь не націи—вотъ критеріумъ, которымъ мы должны руководствоваться при проведеніи общественныхъ идеаловъ въ жизнь, точно такъ же, какъ благо реальной личности (а отнюдь не абстрактнаго человѣка) должно быть критеріумомъ нашихъ поступковъ вообще. Но почему оба эти критерія совпадаютъ? Михайловскій неоднократно пытался разрѣшить этотъ вопросъ. Затронувъ его въ своихъ „Письмахъ о правдѣ и неправдѣ“ (1877 г.), онъ обратился къ нему еще разъ четыре года спустя въ „Запискахъ современника“: здѣсь онъ мелькомъ указываетъ, что „въ трудѣ личность выражается наиболѣе ярко и полно“ (V, 537), такъ что трудъ является главнымъ опредѣляющимъ моментомъ какъ личности, такъ и народа. Но очевидно, что такимъ мимолетнымъ доказательствомъ Михайловскій не могъ ограничиться: слишкомъ важенъ былъ этотъ пунктъ въ его міровоззрѣніи; поэтому уже по прошествіи шести лѣтъ, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ, наконецъ, берется за доказательство своего положенія. „...Человѣческая личность, ея судьбы, ея интересы... должны стоять во главѣ угла нашей теоретической мысли и практической дѣятельности“, утверждаетъ онъ попрежнему (въ этомъ пунктѣ индивидуализмъ Михайловскаго стоялъ твердо почти полъ-вѣка); но въ личности надо пайти „такой ея атрибутъ, такое свойство, которое было бы ей присуще именно какъ личности и не зависѣло бы ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій“... Такимъ атрибутомъ не можетъ быть ни капиталъ,—ибо капиталъ не прибавляетъ человѣку ни на волосъ личнаго достоинства; ни талантъ,—ибо талантъ, случайный даръ судьбы, не составляетъ необходимаго элемента личности; ни происхожденіе, ни красота,—ибо они зависятъ отъ вкусовъ,

¹⁾ Цитаты по изданію 1896—97 г.

правовъ, обычаевъ, законовъ даннаго момента, и не въ нихъ выражается личность. Общій атрибутъ личности есть только трудъ, цѣлесообразное напряженіе личныхъ силъ. „...Личность выражается только въ трудѣ, который относится, можетъ быть, къ ней такъ же, какъ движеніе къ матеріи“. Итакъ, всегда можно подставить „вмѣсто личности ея единственное проявленіе—трудъ, сознательный, цѣлесообразный расходъ силъ. Тогда интересы личности, оказавшіяся на оселкѣ практики двусмысленными и даже многосмысленными, замѣняются интересами труда“... „Почему бы,—спрашиваетъ далѣе Михайловскій,—почему бы не поискать въ этой области матеріалы для общечеловѣческаго идеала?... Ибо „при дальнѣйшемъ разотвлеченіи... интересы труда превращаются въ интересы народа“, такъ какъ, согласно данному выше опредѣленію, народъ есть сумма трудящихся классовъ общества (VI, 489—491; „Литер. Воспом.“, I, 159—160 и др.).

Вотъ сразу и рѣшеніе проблемы о синтезѣ личности и общества, и доказательства ведущей къ этому формулы о тождествѣ интересовъ личности и народа. Въ этомъ положеніи мы видимъ центръ критическаго народничества Михайловскаго, основаніе всѣхъ его дальнѣйшихъ построеній. Насколько проченъ этотъ фундаментъ? Можно ли было воздвигать на немъ сложное и тяжелое зданіе народничества? Не останавливаясь на этомъ подробно, мы укажемъ только на одну главнѣйшую ошибку, которая подвергала сомнѣнію устойчивость указанной нами теоріи. Интересы народа, интересы труда—абстрактныя, не реальныя понятія; въ своемъ опредѣленіи: „народъ—это трудящіеся классы“, народничество обращало недостаточное вниманіе на послѣднее слово. Интересы различныхъ классовъ трудящагося народа могутъ быть такъ же различны, какъ и интересы націи и народа. Въ девяностыхъ годахъ на этой почвѣ народничество потерпѣло частичное пораженіе отъ русскаго марксизма; въ семидесятыхъ же годахъ эта теорія не вызывала возраженій, тѣмъ болѣе что она была поддержана цѣлымъ рядомъ другихъ, на первый взглядъ вполне убѣдительныхъ положеній. Надо замѣтить однако, что такое рѣшеніе вопроса о синтезѣ личности и общества примѣнялось народничествомъ только къ частному случаю—не вообще къ государству, а только къ Россіи, т.-е. къ такой странѣ, гдѣ взаимодействуютъ только двѣ силы—народъ и интеллигенція, и гдѣ, какъ предполагалось, буржуазія равна нулю. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ яснѣе становился ростъ російской буржуазіи, тѣмъ все болѣе и болѣе приходилось урѣзывать эту народни-

ческую теорію, и Михайловскій самъ созналъ это. (Кстати сказать: некритическое народничество часто считало „націю“ за сумму „народа“ и „интеллигенціи“; въ такой наивности Михайловскій никогда не былъ повиненъ). Что же касается проблемы синтеза личности и общества въ самомъ общемъ ея видѣ, то Михайловскій далъ ей совершенно иное рѣшеніе, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Во всякомъ случаѣ Михайловскій считалъ, что имъ установленъ *двуединный критерій блага реальной личности и блага трудящихся классовъ, т.-е. народа*. На этомъ построено все его міровоззрѣніе. Познакомимся поближе съ его отношеніемъ и къ народу, и къ реальной личности.

Въ своемъ отношеніи къ личности Михайловскій былъ однимъ изъ величайшихъ индивидуалистовъ, не уступающимъ въ силѣ своего индивидуализма даже Герцену, съ которымъ у него такъ много общаго. Для него, какъ раньше для Бѣлинскаго, человѣческая личность стоитъ выше общества, выше человѣчества: мы это отчасти уже видѣли. Личность—это „тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды“... „Все зданіе Правды должно быть построено на личности“... „Высшимъ предметомъ (служенія) можетъ быть не красота, не истина, не справедливость, а только человѣческая личность, цѣльная и полная“... „Отказываясь встать на единственно плодотворную точку зрѣнія личнаго начала, мы запутаемся въ противорѣчіяхъ“... „Человѣческая личность, ея судьбы, ея интересы,—вотъ чтѣ... должно быть поставлено во главу угла нашей теоретической мысли въ области общественныхъ вопросовъ и нашей практической дѣятельности“... (IV, 460, 461; V, 536, VI, 304, 487 и др.). Намъ нечего особенно останавливаться на этой сторонѣ міровоззрѣнія Михайловскаго, такъ какъ его глубочайшій социологическій индивидуализмъ вполнѣ проявлялся на каждой страницѣ каждой его статьи. Мы дальше яснѣе увидимъ основныя черты такого индивидуализма и тѣ требованія, которыя Михайловскій предъявляетъ къ личности; пока подчеркнемъ еще разъ, что Михайловскій все время говоритъ о реальной, живой, конкретной личности, а не объ абстрактномъ человѣкѣ. (Изъ сотни мѣстъ, доказывающихъ это, см., напр., I, 32; VI, 301 и др.). Реальная личность выше общества, выше человѣчества; за нее нужно стоять, ея интересами руководствоваться. „Личность никогда не должна быть принесена въ жертву; она свята и неприкосновенна“... (IV, 452).

Народъ—второй краеугольный камень теоріи Михайловскаго;

мы уже видѣли, какимъ образомъ народъ связывается съ личностью: синтезъ ихъ возможенъ благодаря тому, что ихъ интересы совпадаютъ. Но здѣсь нужно отмѣтить болѣе подробно, какимъ образомъ становится возможнымъ этотъ синтезъ. *Интересы* личности совпадаютъ съ *интересами* народа, но существуетъ ли такое совпаденіе внѣ области ихъ „интересовъ“? Герценъ совершенно не затронулъ этого вопроса; не-критическое народничество семидесятыхъ годовъ считало необходимымъ полное совпаденіе во всѣхъ областяхъ, хотя бы цѣною нѣкотораго насилія надъ личностью—общнѣ говоря, надъ интеллигенціей—въ пользу народа. Критическое народничество Михайловскаго не могло, конечно, согласиться съ такимъ рѣзко анти-индивидуалистическимъ рѣшеніемъ вопроса и предложило другое, съ тѣхъ поръ общепризнанное: необходимо различать *интересы* и *мнѣнія* народа и личности. Интересы личности (мы знаемъ, что „личность“ въ этомъ случаѣ есть представительница интеллигенціи) и интересы народа всегда одинаковы; мнѣнія ихъ почти всегда различны. Что можетъ побудить меня принять мнѣніе народа? Только убѣжденіе въ его истинности, — но тогда въ этомъ принятіи не будетъ никакого насилія надъ личностью; ставить же основнымъ принципомъ міровоззрѣнія согласіе съ мнѣніями народа значить подавлять личность и проповѣдывать фарисейство, ибо психологически невозможно принять чужія мнѣнія, не убѣдившись въ ихъ истинности. Съ мнѣніями народа необходимо считаться, но считаться еще не значить раздѣлять (V, 443, 537; VI, 392; особенно VI, 473—478). Пользуясь терминологіей самого Михайловскаго, о которой мы еще будемъ имѣть случай говорить ниже, можно сказать, что интеллигентная личность стоитъ на высокой степени развитія, въ то время какъ народъ стоитъ высоко по своему типу развитія: въ этомъ именно и заключается коренная разница между блаженной памяти славянофильствомъ и критическимъ народничествомъ. Въ своихъ статьяхъ о Л. Толстомъ Михайловскій ясно выразилъ точку зрѣнія критическаго народничества своимъ знаменитымъ сравненіемъ крестьянскаго мальчика Федьки съ Фаустомъ (V, 500, 502, 529—530). Но различіе въ типѣ и степени развитія между личностью и народомъ не противорѣчитъ двудеинному критерию блага реальной личности и трудящихся классовъ, такъ какъ интересы не связаны логически съ мнѣніями, и даже болѣе того, часто мнѣнія народа противорѣчатъ его интересамъ. Внѣ этихъ интересовъ личности и народа нѣтъ ничего абсолютно цѣннаго; тотъ общественный дѣятель, который въ основаніе своей дѣятель-

ности положить бы какой-либо иной критерій, напрімѣръ принципъ децентрализаціи или самоуправленія, никогда не могъ бы быть увѣреннымъ, что его принципъ совпадаетъ съ интересами народа (III, 707).

Вотъ краткое разъясненіе возможности синтеза личности и общества, аііаѕ интеллигенціи и народа. Подчеркиваемъ еще разъ, что во всемъ этомъ разсужденіи буржуазія принимается равной нулю; въ томъ случаѣ, если буржуазія есть уже нѣкоторая осязательная величина, весь синтезъ является воздушнымъ замкомъ: здѣсь лежитъ причина крушенія народничества въ восьмидесятые и девяностые годы, когда ростъ буржуазіи сталъ уже общепризнаннымъ, слишкомъ яснымъ фактомъ. Тамъ, гдѣ буржуазія представляетъ третью взаимодѣйствующую силу, проблема синтеза „личности“ и „общества“ становится для народничества, быть можетъ, такой же неразрѣшимой, какъ и знаменитая астрономическая проблема трехъ тѣлъ. Мы подробно разберемъ рѣшеніе этой общей проблемы Михайловскимъ, а теперь перейдемъ къ практическому примѣненію принциповъ критическаго народничества; посмотримъ, какъ прилагалъ Михайловскій двуединный критерій блага реальной личности и блага народа къ главнѣйшимъ пунктамъ своего міровоззрѣнія. Этими главнѣйшими пунктами были, конечно, его экономическія теоріи, отношеніе къ вопросу объ общинѣ и къ особому пути развитія Россіи.

А ргіогі очевидно, что Михайловскій долженъ былъ стать непримиримымъ противникомъ либерализма и въ этомъ отношеніи продолжать дѣло Герцена и Чернышевскаго; его заслуга въ томъ, что онъ окончательно вскрылъ съ безусловной очевидностью quasi-индивидуалистическое содержаніе либерализма. Либерализмъ, до Чернышевскаго, считался вполне индивидуалистической доктриной; полная свобода конкуренціи, полная свобода труда, полное отрицаніе государственнаго вмѣшательства, *laissez faire, laissez aller!* Какого вамъ еще надобно индивидуализма? И дѣйствительно, утопическій социализмъ, этическая школа въ политической экономіи и тому подобныя теоріи рѣзко нападали на этотъ „индивидуализмъ“ классической школы и ея эпигоновъ либераловъ-фритредеровъ, т.-е. на ихъ стремленіе строить науку на потребностяхъ индивидовъ, а не всего общества въ его цѣломъ, ставить на первый планъ свободу личности и личный интересъ. Но всѣ эти обвиненія были направлены не по адресу, и это впервые доказалъ Чернышевскій и окончательно — Михайловскій; индивидуализмъ либерализма — мѣнь, его заботы о благѣ личности — пустое мѣсто. Дѣйствительно, либерализмъ

твёрдо стоит за свободу чело́вѣка, сводитъ къ *minimum*'у права государства, уничтожаетъ общину, цехъ: все это для либерализма только фантомы, которыми нужно пожертвовать для личности; однако у либерализма есть и свой фантомъ, который въ свою очередь поглощаетъ личность: это—система наибольшаго производства. Либерализмъ является идеологіей крупной буржуазіи, мечтающей о *національномъ* богатствѣ, о расширеніи рынковъ, а мы уже знаемъ, что интересы націи и народа, абстрактнаго чело́вѣка и реальной личности могутъ быть совершенно различны; либеральные доктринеры стремились у насъ обезземелить крестьянина, образовать пятидесяти-милліонный пролетаріатъ во имя блага всей націи, Россіи: вотъ, поистинѣ, явныя заботы о благѣ реальной личности! „Спрашивается: приче́мъ тутъ индивидуализмъ? Тутъ топчется именно личность, индивиду́; личная свобода, личный интересъ, личное счастье кладутся въ видѣ жертвоприношенія на алтарь правильно или неправильно понятой системы наибольшаго производства“ (I, 437—8). „...Если подѣ индивидуализмомъ разумѣть ученіе, покоящееся на личности, ея потребностяхъ и интересахъ, то его, вопреки установившемуся мнѣнію, слѣдуетъ искать не въ старой, манчестерской, такъ называемой, либеральной политической экономіи, а въ нынѣ возникающихъ ¹⁾ доктринахъ. Старая же политическая экономія цѣликомъ отдавала личность на жертву системѣ наибольшаго производства“ (I, 445). „...Принципъ индивидуализма никогда не былъ доведенъ либеральною экономіей до своего логическаго конца, ибо, какъ Юпитеръ скрывался въ олимпійскихъ облакахъ, когда совершалъ свое божественное грѣхопаденіе, такъ либеральная экономія пряталась въ туманъ „народнаго богатства“, когда совершала грѣхъ насилія надъ личностью“ (VI, 303). Индивидуализмъ былъ доведенъ до своего логическаго конца только въ тѣхъ теоріяхъ, которыя отъ абстрактнаго чело́вѣка обратились къ реальной личности; только эти теоріи социализма и могли наконецъ приступить къ рѣшенію проблемы синтеза личности и общества. „Политическій и экономическій либерализмъ учили, что благо личности совпадаетъ съ благомъ общества и именно государства“, но опытъ показалъ, что благо личности и благо націи (а благо ея — „система наибольшаго производства“) совершенно различны; „едва ли поэтому причисляется этой системѣ названіе индивидуализма“ („Л. В“. II, 397). Все это тонко и вѣрно подмѣчено; quasi-индивидуализмъ либерализма вскрытъ съ

¹⁾ Т.-е. социалистическихъ. И.-Р.

безподобной ясностью и обнаружена его анти-индивидуалистическая подоплека: либерализму нѣтъ никакого дѣла до реальной личности, ея блага, ея интересовъ. Съ этой точки зрѣнія Михайловскій варьируетъ тѣ аргументы противъ либеральнаго доктринерства, съ которыми мы уже познакомились у Герцена и Чернышевскаго: праву на трудъ онъ противопоставляетъ возможность труда, абстрактному человѣку онъ противопоставляетъ реальную личность (III, 199—200); онъ указываетъ кромѣ того, что даже и абстрактный человѣкъ былъ одѣленъ либералами только благомъ свободы, и въ то же время жестоко одѣленъ не менѣе важнымъ благомъ равенства, не говоря уже о миѳическомъ братствѣ (I, 880—882). Якобы индивидуалистическая теорія *laissez faire* ведетъ не къ свободѣ, а къ подавленію личности; кромѣ того теорія эта еще и неустойчива: она въ концѣ концовъ неизбѣжно приводитъ въ лучшемъ случаѣ—къ ассоціаціи, въ худшемъ—къ монополіи (III, 59—61; въ этомъ мѣстѣ можно усмотрѣть у Михайловскаго вліяніе Прудона). Либерализмъ въ концѣ концовъ, также какъ и абсолютный протекціонизмъ, оказывается идеологіей крупной буржуазіи: либерализмъ даетъ каждому право свободы, возможность пользоваться которой имѣется только у владѣльцевъ орудій производства; узкій протекціонизмъ представляетъ изъ себя другую крайность, не давая ни права, ни возможности экономической свободы, но и въ этомъ случаѣ система монополій, выгодная буржуазіи, ложится всею тяжестью на трудящіеся классы общества. (Обо всемъ этомъ см. еще I, 259, 263, 258—270, 437, 684; V, 796—798; VI, 14, 487—489 и др.).

Мы уже знакомы съ этимъ рѣзкимъ обвинительнымъ актомъ противъ буржуазіи: все это варьяціи на тему, затронутую Герценомъ и развитую Чернышевскимъ, варьяціи, не вносящія ничего существенно новаго въ народничество. Безусловно оригиналенъ однако тотъ двуединый критерій, пользуясь которымъ Михайловскій производитъ весь этотъ анализъ. Герценъ критиковалъ либеральное доктринерство, базируясь на своей жгучей ненависти къ мѣщанству; Михайловскій исходитъ изъ принципа о тождествѣ интересовъ личности и народа и освѣщаетъ тотъ же вопросъ съ совершенно иной точки зрѣнія. Результаты, къ которымъ онъ приходитъ—совершенно тѣ же, но обоснованіе ихъ совершенно иное: двуединый критерій блага реальной личности и трудящихся классовъ отрицательно относится къ либеральному доктринерству, ибо оно является анти-индивидуалистической теоріей, въ то время какъ Герценъ нападалъ на либерализмъ за то, что онъ является теоріей мѣщанской. Это родствен-

няя, но все же совершенно различныя точки зрѣнія, хотя и приводящія къ одинаковымъ результатамъ.

Результаты эти заключаются, во-первыхъ, въ отрицаніи либерализма и всѣхъ связанныхъ съ нимъ выводовъ, а во-вторыхъ, въ признаніи единственнымъ спасеніемъ Россіи—развитія общиннаго устройства: эта часть теоріи опять-таки строится въ томъ предположеніи, что буржуазія въ Россіи есть лишь безконечно малая величина, близкая къ нулю. Мы уже знаемъ, что именно въ этомъ была роковая ошибка народничества, менѣе замѣтная Герцену и уже ясная Михайловскому, какъ мы увидимъ ниже; во всякомъ случаѣ въ то время община была для критическаго народничества единственнымъ свѣтлымъ исходомъ изъ дебрей анти-индивидуализма; вѣра въ возможность этого исхода поддерживала людей семидесятыхъ годовъ въ тяжелое время переживаемой ими реакціи.

Михайловскому приходилось защищать общину на два фронта: противъ либераловъ съ ихъ девизомъ абсолютной свободы, и противъ реакціонеровъ-охранителей, съ ихъ девизомъ всеобщаго обузданія и сокращенія. Идеаломъ первыхъ было свободное, процвѣтающее государство съ максимальнымъ производствомъ и съ обезземленными крестьянами; идеаль вторыхъ самъ Михайловскій характеризуетъ весьма образно: „безотрадная, безбрежная пустыня, гдѣ только изрѣдка среди всеобщаго безмолвія раздаются крики: караулъ!.. Держи!.. Ура!..“ Первые были противъ общины потому, что эта форма землевладѣнія тормазила развитіе раціональнаго земледѣлія и промышленности; вторымъ община казалась опасной какъ соціальныи и политическій факторъ, какъ принципъ, отрицающій индивидуальную собственность (II, 537—8). Катковъ и присные его въ качествѣ защитниковъ индивидуализма!

Эта борьба на два фронта велась Михайловскимъ во многихъ отношеніяхъ побѣдоносно; свое вниманіе онъ обратилъ не на экономическую сторону вопроса, главнымъ образомъ занимавшую Чернышевскаго, не на анти-мѣщанство общиннаго устройства, чѣмъ болѣе всего интересовался Герценъ: Михайловскій прежде всего рѣшаетъ вопросъ объ интересахъ реальной личности въ условіяхъ общиннаго быта; иначе говоря, онъ и въ этомъ случаѣ примѣняетъ свой индивидуалистическій двуединый критерій блага личности и народа. Общинное устройство согласно съ интересами народа, такъ какъ оно даетъ трудящимся классамъ и право и возможность работы; остается доказать, что оно совмѣстимо съ интересами реальной личности. Мы знаемъ, что уже Герценъ ставилъ этотъ вопросъ, что

Кавелинъ пытался рѣшать его разграниченіемъ общины поземельной отъ административной; эта сторона вопроса наиболѣе занимаетъ Михайловскаго, и, въ полномъ согласіи съ Миллемъ, онъ видитъ „соціальную задачу будущаго въ соединеніи наибольшей индивидуальной свободы дѣйствія съ общиннымъ землевладѣніемъ и одинаковымъ участіемъ всѣхъ въ прибыляхъ общаго труда“ (II, 565; см. Дж. Ст. Милль, „Автобіографія“, 245). Общинное устройство не противорѣчитъ свободѣ личности уже по одному тому, что именно оно даетъ возможность экономической свободы (III, 199—200); въ общинѣ собственность и трудъ слиты воедино, и въ этомъ сліяніи заключается залогъ свободы личности. „Скажутъ: община стѣсняетъ свободу личности. Это старая сказка. Что такое свобода, независимость, личная инициатива?... Личная инициатива возможна въ экономическомъ порядкѣ вещей только для собственника. Бойтесь же прежде всего и больше всего такого общественнаго строя, который отдѣлитъ собственность отъ труда. Онъ именно лишитъ народъ возможности личной инициативы, независимости, свободы“ (I, 704—705). Община не потому дорога, что она община, а потому, что именно въ ней критическое народничество видѣло залогъ развитія личности на почвѣ экономической свободы; критерій цѣнности общины есть благо реальной личности и трудящихся классовъ, а не обратно; только личность „можетъ служить единицею мѣры при опредѣленіи относительнаго значенія различныхъ формъ общежитія“ (VI, 300). Пусть при общинномъ землевладѣніи общая цѣнность продуктовъ производства меньше, чѣмъ при владѣльческомъ пользованіи, пусть „національное богатство“ меньше, но зато народное благосостояніе во столько же разъ больше (вспомнимъ приведенный нами расчетъ Чернышевскаго). „...Кромѣ богатства на свѣтѣ существуетъ еще живые, конкретные избиратели и потребители, люди, человѣческія личности; ихъ-то нельзя отдавать на жертву Молоху „народнаго богатства“... И въ этомъ все дѣло. Община дорога не сама по себѣ, какъ идолъ какой-нибудь“ (VI, 301; см. еще IV, 700—701). Въ другомъ мѣстѣ Михайловскій еще рѣзче и ярче подчеркиваетъ свою индивидуалистическую точку зрѣнія. „Всѣ умственные, всѣ психическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней,—говоритъ онъ;—только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ, наслаждается... Всякіе общественные союзы, какія бы громкія или предвзято-симпатичныя для васъ названія они ни носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ постольку, поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ

страданій, расширяють сферу ея наслажденій“... Въ спорѣ объ общинѣ, указываетъ далѣ Михайловскій, вполне ясно примѣнялся этотъ критерій блага личности какъ противниками, такъ и сторонниками общины: „обѣ стороны самымъ ходомъ изслѣдованія вынуждены были принять мѣриломъ значенія общины судьбу личности“. Противники общины утверждали, что она связываетъ личность; сторонники общины, не дѣлая себѣ изъ нея фетиша, „видѣли въ ней надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка“. Такимъ образомъ и тѣ и другіе клали во главу угла личность; „они только разное смотрѣли на нее: одни понимали, другіе не понимали или умышленно не хотѣли понимать. Понимавшіе, хотя и стояли, по видимости, на почвѣ стѣсненія личной свободы, стояли, въ сущности, за личность, и стояли твердо“. Не понимавшіе же стояли за абстракціи національнаго богатства, стояли въ сущности не за личность, а за абстрактнаго человѣка. Общій выводъ: община дорога не потому, что она община, а потому, что она обезпечиваетъ интересы труда, народа, личности. Личность же „никогда не должна быть принесена въ жертву; она свята и неприкосновенна, и всѣ усилія вашего ума должны быть направлены къ тому, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить въ каждомъ частномъ случаѣ за ея судьбами и становиться на ту сторону, гдѣ она можетъ восторжествовать“ (IV, 451—452).

Итакъ, двуединый критерій блага личности и народа приводитъ Михайловскаго къ признанію желательности общиннаго устройства, какъ такого, при которомъ личность не приносится въ жертву ни обществу, ни, тѣмъ паче, системѣ наибольшаго производства. Подобно тому, какъ Герценъ особенно настаивалъ на томъ, что община есть путь избавленія Россіи отъ мѣщанства, такъ Михайловскій главнымъ образомъ подчеркиваетъ, что община есть путь наиболѣе свободнаго развитія личности, путь индивидуализма; анти-мѣщанство Михайловскаго вытекаетъ отсюда только какъ слѣдствіе. Если мы вспомнимъ отмѣченную нами разницу въ отношеніяхъ Герцена и Михайловскаго къ либеральному доктринерству, то увидимъ, что разница эта сводилась къ тому же: Герцену претило мѣщанство либерализма, Михайловскому — анти-индивидуализмъ этой теоріи. Пути были различны, результаты одинаковы. Индивидуализмъ Михайловскаго играетъ роль анти-мѣщанства Герцена; но оба эти пути привели ихъ къ народническому Риму: къ отрицанію либеральнаго доктринерства, къ признанію общины и къ вѣрѣ въ особый путь развитія Россіи.

Если Россія пойдет такимъ „особымъ путемъ“, то она избѣгнетъ „поглощенія мѣщанствомъ“, и въ ней пышно расцвѣтетъ начало индивидуализма. Все это такъ; т.-е. все это было такъ въ пятидесятые и семидесятые года. Но вотъ въ чемъ вопросъ: пойдетъ ли Россія этимъ особымъ путемъ развитія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сказалась ясная разница между міровоззрѣніями оптимистическаго, догматическаго народничества Герцена и пессимистическаго, критическаго народничества Михайловскаго: экономическое развитіе Россіи за эти двадцать лѣтъ объясняетъ и оптимизмъ Герцена и пессимизмъ Михайловскаго, который уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ ясно видѣлъ, что нуженъ нѣкій *deus ex machina* для прегражденія Россіи пути по стопамъ западно-европейскаго экономическаго развитія. Но *deus ex machina* въ настоящее время появляется только въ плохихъ драмахъ, да и то въ замаскированномъ видѣ; не явился онъ и въ трагедіи критическаго народничества... Герценъ требовалъ только общиннаго быта для освобожденныхъ крестьянъ и думалъ, что все остальное приложится; Чернышевскій одно время привѣтствовалъ появленіе „расторговавшагося крестьянина“ и возставалъ противъ государственнаго закрѣпленія общины; критическое народничество не могло смотрѣть на дѣло столь оптимистично, оно видѣло, что община разлагается въ атмосферѣ рождающейся буржуазіи, и требовало *deus ex machina* въ видѣ „широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе поземельной общины“ (I, 704; ср. IV, 1000). Такъ говорилъ Михайловскій еще въ 1872 г.; мы увидимъ, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше онъ въ этомъ отношеніи становился пессимистомъ. Онъ вѣрилъ, что „община“ по типу развитія стоитъ выше „фабрики“, уступая ей въ степени развитія (III, 515; мы еще коснемся теоріи типовъ и степеней), а потому желалъ, чтобы Россія удержала за собой эту высоту типа и развила его до высокой степени: онъ хотѣлъ вѣрить въ *возможность* такого особаго пути развитія. Упрекать его въ ненаучности такого воззрѣнія — напрасный трудъ, такъ какъ вѣра въ возможность событія не противорѣчитъ необходимости его осуществленія и показываетъ только, что, будучи детерминистомъ, Михайловскій никогда не былъ фаталистомъ въ социологіи. Особый путь развитія Россіи — одна изъ возможностей; Михайловскій совершенно отказывался опредѣлить, которая изъ этихъ возможностей окажется необходимостью, хотя и указывалъ неоднократно, какая изъ нихъ наиболѣе желательна и какая наиболѣе вѣроятна. *Въ противорѣчій впрямой возможности*

и возможности желательной заключалась вся трагедія критическаго народничества. Съ оптимистами-народниками, полагавшими, что особая дорога Россіи, т.-е. желательная возможность, является наиболѣе вѣроятной, Михайловскій совершенно не могъ согласиться: „спрашивается, гдѣ основанія такого оптимизма?—говорилъ онъ:—развѣ европейскій рабочій въ свое время не былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь еще находится нашъ? И развѣ не прогрессъ промышленности выбилъ его изъ этой колеи?..“ Но, съ другой стороны, не менѣе горячо возставалъ Михайловскій и противъ мнѣнія либерализма, что вѣроятная возможность пути Россіи, т.-е. обще-европейская, есть въ то же время и наиболѣе желательная: это мы уже видѣли въ его полемикѣ противъ фритредерства. Къ тому же, хотя обще-европейская цивилизація одна, но... „у Клеопатры было много любовниковъ“. Бисмаркъ, Наполеонъ III, коммуна, буржуазія, дарвинизмъ—все это знаменосцы особыхъ программъ единой цивилизаціи. „Кого же мы возьмемъ себѣ въ руководители?“ (I, 695—696, 703; ср. III, 443, 446; I, 807 и др.).

Теперь для насъ ясно въ чемъ ошибка Михайловскаго; мы видимъ, что она заключалась въ догматической предпосылкѣ возможности сознательнаго направленія хода исторіи въ желательную для насъ сторону; это была неправильная оцѣнка роли высшихъ классовъ и главнымъ образомъ интеллигенціи въ ихъ воздѣйствіи на общественную жизнь. Въ семидесятыхъ годахъ ошибка эта прошла незамѣченной; тогда еще не было видно, что „мы“ не можемъ выбирать по нашему желанію благодѣтельные дары цивилизаціи Европы и отметать дары губельные. Вѣра въ такую возможность была дѣйствительно необоснованной и въ этомъ ошибка всѣхъ народниковъ, начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ; особенно причастенъ ей былъ Чернышевскій въ своей „Критикѣ философскихъ предубѣжденій“. Если мы видимъ, говоритъ Михайловскій, что въ Европѣ извѣстная комбинація обстоятельствъ приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ, „то какой, съ позволенія сказать, чортъ потянетъ насъ къ этой комбинаціи?“ (см. I, 900—903). Это такъ; но все дѣло въ томъ, что „извѣстная комбинація“ чаще всего не зависитъ отъ насъ и является результатомъ цѣлаго ряда общихъ причинъ, приводящихъ и къ положительнымъ и къ отрицательнымъ выводамъ; принять первые и отказаться отъ вторыхъ—не въ нашей власти. Поэтому основное положеніе народничества, что „мы можемъ и должны черпать изъ богатой сокровищницы европейской цивилизаціи все пригодное и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать ошибокъ, сдѣлан-

ныхъ старой Европой въ своемъ блестящемъ историческомъ шествіи“ (V, 778),—положеніе это было главной и фатальной ошибкой народничества. Надо отдать справедливость Михайловскому—онъ ясно видѣлъ всѣ слабыя стороны такого положенія; оно „не имѣетъ практическаго, дѣловаго значенія и осуждено пока играть роль гласа вопіющаго въ пустынѣ“ — сознавался онъ въ 1883 г. (Ibid.). Но и гораздо раньше Михайловскій уже видѣлъ, что особый путь развитія Россіи—возможность, хотя и желательная, но мало вѣроятная. Конечно, въ немъ еще долго теплилась надежда, что на громадномъ пространствѣ Россіи исторія произведетъ совершенно новый опытъ высокаго развитія элементарныхъ экономическихъ началъ: „это будетъ, разумѣется, опытъ небывалый, но вѣдь мы и находимся въ небываломъ положеніи“ (I, 807); но надежда эта мало-по-малу гасала. Возможно, что ходъ исторіи фаталенъ—съ горечью признается Михайловскій; но если это такъ, то нечему радоваться и незачѣмъ поклоняться идолу прогресса (III, 207). Если это такъ, то двуединый критерій блага личности и народа теряетъ все свое значеніе и мы снова остаемся безъ руля и безъ вѣтриль. Если это такъ, то критическому народничеству остается раствориться въ пессимизмъ: „остаются Нирвана и Гартманъ—я не знаю другого выхода. Но прежде чѣмъ броситься въ эту мертвечину, надо пробовать жить“... (III, 707—8). Михайловскій видѣлъ, что хотя теоретически очень легко раздѣлять въ европейской жизни овецъ отъ козлищъ и пшеницу отъ плевелъ, но примѣнять полученные результаты на практикѣ не такъ легко, какъ казалось сначала оптимистическому народничеству (VI, 350). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ выразилъ все это уже съ полной ясностью. „Мы вѣрили,—говоритъ онъ,—что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особый отъ европейскаго... Хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной фizioноміи къ интересамъ народа... Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства“ (IV, 952).

Пришлось горькимъ опытомъ убѣдиться, что въ Россіи буржуазія не равна нулю и что ростъ ея не можетъ быть остановленъ. Сразу рухнули аргументы Герцена объ анти-мѣщанствѣ внутренняго быта Россіи; рухнули всѣ аргументы Михайловскаго о возможномъ

у насъ синтезъ личности и общества, интеллигенціи и народа. Система наибольшаго производства надвигалась съ Запада на Востокъ. Двудинный критерій блага реальной личности и блага трудящихся классовъ пересталъ быть отвѣтомъ на вопросъ о синтезѣ личности и общества; приходилось и для Россіи дать тотъ же отвѣтъ, который былъ данъ Михайловскимъ въ общей формѣ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Какой былъ этотъ отвѣтъ, мы увидимъ, познакомившись съ работами Михайловскаго въ области социологіи; но одно можно сказать заранее: Михайловскій и въ этой области былъ и остался яркимъ индивидуалистомъ, критерій блага реальной личности и въ этой области былъ тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, отъ котораго онъ началъ возводить свою систему социологическаго индивидуализма:

Взгляды Михайловскаго на личность и общество тѣсно связаны съ его критикой двухъ социологическихъ концепцій: органической теоріи общества и дарвинизма; критика этихъ теорій была тѣмъ оселкомъ, на которомъ отточились индивидуалистическія воззрѣнія нашего автора. Критикуя органическую теорію общества, Михайловскій построилъ свою теорію прогресса; опровергая дарвинистическую социологію, онъ выставилъ свою теорію борьбы за индивидуальность. На этихъ двухъ изящныхъ и гармоничныхъ теоріяхъ, пытающихся кореннымъ образомъ разрѣшить проблему индивидуализма, мы остановимся особенно подробно, такъ какъ ни прежде, ни послѣ въ русской литературѣ не было такой смѣлой и широкой попытки однимъ взмахомъ теоріи разрубить сложный и запутанный вопросъ о взаимоотношеніяхъ личности и общества.

Съ органической теоріей общества мы уже слегка знакомы: мы видѣли отраженіе этой теоріи у Вѣлинскаго (отъ Гегеля), у славянофиловъ (отъ Шеллинга); видѣли у славянофиловъ же намеки на органическую теорію общины и т. п. Но все это были только намеки. Во всей своей полнотѣ и прелести органическая теорія появилась у насъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, заимствованная прежде всего и главнымъ образомъ у Спенсера, а затѣмъ проявившаяся и въ трудахъ нашихъ доморожденных социологовъ, въ родѣ Стронина и ему подобныхъ. Со Строниными справиться было не трудно; въ одной изъ первыхъ своихъ статей („Аналогическій методъ въ общественной наукѣ“, 1869 г.) Михайловскій безъ всякаго усилія сдунулъ карточный домикъ, построенный безталанными русскими учениками Спенсера. Другое дѣло—критика теорій самого Спенсера: эта задача была несравненно труднѣе; но и изъ этой борьбы Михайловскій вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

До появленія статей Михайловскаго Спенсеръ считался у насъ представителемъ яркаго индивидуализма, что, быть можетъ, отчасти и объясняло его успѣхъ, во-первыхъ, у ультра-индивидуалистовъ писаревцевъ, а во-вторыхъ, у либеральныхъ доктринеровъ, quasi-индивидуализмъ которыхъ въ то время еще не былъ вскрытъ Михайловскимъ. Самъ Спенсеръ считаетъ себя рѣшительнымъ индивидуалистомъ; его экономическій идеаль—фритредерство и laissez aller; его рѣшеніе проблемы индивидуализма—maximum свободы личности при minimum'ѣ зависимости отъ государства. Послѣ всего изложеннаго выше намъ теперь очевидно, что индивидуализмъ Спенсера былъ во всѣхъ отношеніяхъ печальнымъ недоразумѣніемъ; подробно развитая имъ органическая теорія общества вполне подтверждаетъ такое мнѣніе. Теорія эта общеизвѣстна: въ основу ея легла аналогія между обществомъ и организмомъ; общество есть организмъ—вотъ что подробно доказываетъ и обосновываетъ Спенсеръ (главнымъ образомъ во 2-й главѣ II-й части „Основъ соціологіи“). И это не только аналогическая теорія, а буквальное признаніе общества нѣкоторой біологической абстракціей. Правда, Спенсеръ указываетъ и многочисленныя пункты несходства, не позволяющіе провести аналогію между организмомъ и обществомъ до ея крайнихъ логическихъ предѣловъ; такъ, напримѣръ, онъ указываетъ, отчасти спасая свой кажущійся индивидуализмъ, что общество есть организмъ не конкретный, а дискретный, ибо дифференціація его не доходитъ до концентраціи сознанія въ одной части агрегата; онъ идетъ еще дальше на пути къ индивидуализму, утверждая, что поэтому „благо-состояніе агрегата, разсматриваемое независимо отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, никогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій“. (Это почти буквально то же самое, что говорили о „благѣ націи“ русскіе народники). Но всѣ такія оговорки не мѣшаютъ органической теоріи общества быть по существу глубоко анти-индивидуалистическимъ теченіемъ, принимающимъ личность за кѣточку соціального организма. Спенсеръ и доказалъ это на дѣлѣ. Несмотря на всѣ свои восклицанія quasi-индивидуалистическаго характера, онъ въ сущности никогда не интересовался благомъ реальной личности; вездѣ и во всемъ его интересовалъ только абстрактный человекъ; недаромъ въ соціальной экономіи онъ былъ фритредеромъ и сторонникомъ „системы наибольшаго производства“ (самый этотъ терминъ принадлежитъ ему). Недаромъ также онъ категорически отрицалъ какую бы то ни было телеологію, отрицалъ, напримѣръ, понятіе „прогресса“, какъ ненаучное, ибо allzumensch-

liches: вмѣсто прогресса онъ говоритъ вездѣ объ эволюціи; во всемъ этомъ его „объективность“, противъ которой возсталъ Михайловскій аргументами неоспоримыми по существу, хотя и не всегда удачными по формѣ. Органическая теорія общества и вытекающая отсюда теорія прогресса были первыми опорными пунктами quasi-индивидуализма, противъ котораго и направилъ всѣ свои удары Михайловскій.

Въ своей статьѣ „Что такое прогрессъ?“ (1869 г.) Михайловскій, по собственнымъ его словамъ, желалъ дать очеркъ соціального развитія. Исходной точкой была опять-таки реальная личность, благо которой попрежнему интересуется Михайловскаго больше всего (I, 32); отсюда ясно, что Михайловскій не можетъ принять точку зрѣнія Спенсера и говорить объ эволюціи: его интересуется прогрессъ, онъ разсматриваетъ эволюцію съ телеологической точки зрѣнія, придерживается „субъективнаго метода“, о которомъ рѣчь будетъ послѣ: „Самое слово «прогрессъ» — говоритъ онъ — имѣетъ смыслъ только по отношенію къ человѣку“ ... „Соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями“... (I, 129; 55). Въ этомъ мы слышимъ уже знакомыя для насъ ноты, отмѣченные нами еще у Лаврова; въ предыдущей главѣ мы подчеркнули всѣ главнѣйшіе пункты, въ которыхъ Лавровъ былъ, съ одной стороны, предшественникомъ Михайловскаго, а съ другой — связующимъ звеномъ между нимъ и Герценомъ. Мы не будемъ теперь останавливаться каждый разъ на указаніи внутренней связи идей Герцена, Лаврова и Михайловскаго, отсылая для этого читателя къ предыдущей главѣ.

Очеркъ соціального развитія обрисовывается Михайловскимъ приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ: соціальное развитіе не можетъ быть выражено ни въ біологическихъ терминахъ, къ чему близокъ Спенсеръ и вообще органическая теорія, ни въ какихъ либо иныхъ; центральнымъ факторомъ соціального развитія не можетъ быть ни факторъ интеллектуальный, какъ полагалъ Контъ и позитивисты, ни какой-либо иной; въ этомъ виденъ рѣзкій разрывъ Михайловскаго съ рационализмомъ эпохи шестидесятыхъ годовъ. Соціальное развитіе должно быть выражено только въ соціологическихъ терминахъ, въ основу его долженъ быть положенъ только общественный факторъ; „центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть признана форма коопераціи“ (I, 911), „законовъ прогресса слѣдуетъ искать въ развитіи самой общественности, т.-е.

въ развитіи и послѣдовательной смѣнѣ различныхъ формъ коопераціи“ (IV, 100). И здѣсь нельзя не отдать полной справедливости Михайловскому; онъ въ этомъ случаѣ далеко перешагнулъ узко-раціоналистическія канавки позитивизма и понялъ, что соціологія не можетъ быть построена на интеллектуальномъ факторѣ. Вообще надо замѣтить, что критическое народничество наотрѣзъ отказалось отъ той части наслѣдства шестидесятыхъ годовъ, которая была заключена въ оболочку раціонализма; въ этомъ опять первый шагъ впередъ критическаго народничества вообще и Михайловскаго въ частности.

Отрицая возможность такого соціологическаго раціонализма, Михайловскій не можетъ, конечно, принять и тѣхъ знаменитыхъ трехъ фазисовъ развитія, которые были предложены Контомъ, и предлагаетъ свою теорію, по которой социальное развитіе дѣлится не на теологическій, метафизическій и позитивный періоды, а на фазисы объективно-антропоцентрической, эксцентрической и субъективно-антропоцентрической. Въ первомъ фазисѣ „человѣкъ считаетъ себя объективнымъ, безусловнымъ, дѣйствительнымъ, извнѣ поставленнымъ центромъ природы“ (I, 80); во второмъ фазисѣ человекъ ставитъ надъ собой отвлеченныя категоріи, а себя отстраняетъ на второе мѣсто (I, 92); наконецъ, въ третьемъ фазисѣ человекъ снова ставитъ себя центромъ человеческого общества, и только въ этомъ смыслѣ центромъ вселенной (I, 104; II, 13). Въ первомъ фазисѣ господствуетъ абсолютный телеологизмъ, во второмъ — абсолютный анти-телеологизмъ, и въ третьемъ — анти-телеологизмъ по отношенію къ природѣ и телеологизмъ по отношенію къ человѣку (см., напр., I, 128). Характерно, что такое построеніе произведено явнымъ образомъ по гегелевской триадѣ! (Объ этомъ см. отчасти II, 6; нѣкоторое объясненіе — V, 924 и „Л. В.“, II, 293). Говоря иными словами, объективный антропоцентризмъ есть ультра-индивидуализмъ, отчасти гносеологическій, отчасти соціологическій; точно также эксцентризмъ является соціологически-гносеологическимъ анти-индивидуализмомъ, а субъективный антропоцентризмъ есть не что иное какъ индивидуализмъ, въ томъ значеніи, какое ему придавалъ Михайловскій. (Ср. съ триадой Луи Блана, въ изложеніи самого же Михайловскаго III, 38 — 39, 39 — 40, 51; VI, 105 и др.). Въ первомъ періодѣ, періодѣ ультра-индивидуализма „все создано для человѣка“, вся вселенная, всѣ люди; это въ сущности время беспросвѣтнаго эгоизма; впрочемъ и въ этомъ случаѣ объективная телеологія можетъ достигъ сравнительно высокой сте-

пени развитія, примѣръ чего Михайловскій видитъ въ буддизмѣ (I, 99, 199). Въ періодѣ анти-индивидуализма царитъ формула: „человѣкъ для богатства, для справедливости, для истины“ — таково основное убѣжденіе анти-индивидуалиста эксцентрика. „Нѣтъ, говорить эксцентрикъ, человѣкъ не есть сосредоточіе и цѣль природы. Это жалкая, грубая, эгоистическая телеологія. Изучая природу, мы должны забыть, что мы, люди, должны забыть свои стремленія, желанія, нужды, и тогда мы увидимъ, что истинная, законная телеологія состоитъ въ изысканіи цѣлесообразности въ природѣ вообще, въ вѣрованіи, что природа осуществляетъ собою нѣкоторый предустановленный планъ“... (I, 99, 201). Для эксцентрика „цѣли Провидѣнія не могутъ уже лежать въ *человѣкѣ*; онѣ разносятся по всему пространству и времени“... (I, 206). Очевидно, что Михайловскій отрицаетъ какъ первую, такъ и вторую точку зрѣнія, и ультра-индивидуализмъ объективнаго антропоцентризма, и анти-индивидуализмъ эксцентризма. Онъ не признаетъ себя цѣлью природы, но онъ и вообще не признаетъ цѣлей природы; зато онъ признаетъ свои цѣли — и въ этомъ его субъективный антропоцентризмъ, *alias* индивидуализмъ. „Человѣкъ можетъ сказать: да, природа ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія въ смыслѣ права между мною и воробьемъ: но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее, заставлю ее служить мнѣ, вычеркну зло и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли и я ихъ достигну“ (I, 215). Такъ отвѣчаетъ реальная личность ультра- и анти-индивидуалисту.

Параллельно всему этому въ основѣ соціального развитія идетъ смѣна формъ коопераціи: мы знаемъ, что въ нихъ Михайловскій видѣлъ центральный пунктъ философіи исторіи. Въ періодъ объективнаго антропоцентризма мы имѣемъ дѣло съ простой коопераціей, которая мало-по-малу обращается въ кооперацію сложную къ періоду эксцентризма (I, 87 — 88 и др.). Какая кооперація будетъ имѣть мѣсто въ періодъ субъективнаго антропоцентризма? Мы говоримъ „будетъ“, такъ какъ слишкомъ очевидно, что индивидуалистическій или субъективно-антропоцентрической фазисъ для Михайловскаго только желаемый и ожидаемый, во всякомъ случаѣ едва вступающій въ жизнь. Всякая триада соціальной динамики всегда будетъ варьяціей системы категорій прошедшаго, настоящаго и будущаго — такъ утверждалъ самъ Михайловскій (V, 924; „Л. В.“, II, 293); въ его триадѣ это осуществилось съ несомнѣнностью. Періодъ объективнаго антропоцентризма, абсолютной телеологіи, про-

стой коопераціи, ультра-индивидуализма—пережить человечеством; теперь мы живемъ (такова, очевидно, была мысль Михайловскаго) на границѣ второго и третьяго періода, но еще въ разгарѣ анти-телеологии, сложной коопераціи, анти-индивидуализма. Со всѣмъ этимъ Михайловскій именно и велъ полувѣковую борьбу не на жизнь, а на смерть, всему этому онъ и противопоставлялъ свои идеалы будущаго, идеалы субъективнаго антропоцентризма, субъективной телеологии, индивидуализма; что же касается коопераціи, то мнѣнія Михайловскаго о ней менѣе рѣшительны. Онъ отрицаетъ, какъ мы это увидимъ, сложную кооперацію, раздѣленіе труда; его идеаль— нѣкоторая форма простаго сотрудничества, но какая именно? Какъ примирить принципъ простаго коопераціи съ безконечно дифференцированной экономической жизнью—слѣдствіемъ эксцентрическаго періода? Михайловскій не указываетъ путей, и свою формулу прогресса даетъ независимо отъ дѣйствительнаго хода историческаго прогресса; онъ говоритъ о томъ, что должно считаться прогрессомъ, а не о томъ, чѣмъ онъ является на дѣлѣ. Въ этомъ сказалась точка зрѣнія пессимистическаго народника, идеалы котораго рѣзко расходились съ дѣйствительностью, желательная возможность съ возможностью вѣроятной.

Современное западно-европейское общество лежитъ въ періодѣ эксцентризма, на грани съ грядущимъ субъективнымъ антропоцентризмомъ,—таково мнѣніе Михайловскаго. Мы уже знаемъ, что это періодъ анти-индивидуализма, подчиненія реальной личности многообразнымъ абстракціямъ. Одной изъ такихъ абстракцій и была теорія общественнаго организма, обращающая человѣка въ „палецъ отъ ноги“, — теорія, противъ которой не могъ не возстать такой индивидуалистъ, какимъ былъ Михайловскій; въ цѣломъ рядѣ статей онъ шагъ за шагомъ разбивалъ построенія органистовъ, аналогистовъ и имъ подобныхъ, начиная со Спенсера. Намъ нѣтъ необходимости слѣдить за этой упорной борьбой, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ (см. статью „Что такое прогрессъ“, 1869 г.; „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ“, 1869 г.; „Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ“, 1872 г.; многія мѣста изъ „Борьбы за индивидуальность“, 1875 г. и др.); это вопросъ уже давно рѣшенный, и рѣшенный въ пользу Михайловскаго: органическая теорія общества отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть, ибо слишкомъ наглядно выказала всю свою несостоятельность. Предоставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ и не будемъ входить въ подробности органической теоріи; достаточно указать на то, что Михайловскій

былъ вполне правъ въ своихъ нападкахъ на эту теорію, выказавъ ими еще разъ всю цѣльность и выдержанность своего индивидуализма. Гораздо интереснѣе процесса этой борьбы — ея результаты для ея противника; существуетъ мнѣніе, что, сражаясь съ органической теоріей, Михайловскій самъ заразился точкой зрѣнія вражескаго лагеря, и самъ до нѣкоторой степени, *implicite* сталъ исповѣдывать, что общество есть организмъ.

Въ этомъ есть доля истины и доля недоразумѣнія. Прежде всего несомнѣнно, что очень часто Михайловскій грѣшилъ только въ терминологіи, употребляя терминъ „соціальный организмъ“ какъ *façon de parler* (напр., I, 59; VI, 45; очень часто въ статьѣ „Борьба за индивидуальность“ и т. д.): въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно усвоилъ терминологію противника. Но дѣло зашло гораздо дальше формальной стороны вопроса; Михайловскій согласился признать, что общество можетъ развиваться по органическому типу развитія: „общество... какъ прекрасно и достаточно подробно показалъ Спенсеръ, развивается подобно организму: переходитъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, постепенно расчлѣняясь и дифференцируясь“ (I, 32). Это общество развивается по органическому типу развитія; оно эволюционируетъ, но не прогрессируетъ. Это общество — эксцентрическаго періода, общество, побѣдившее человѣка, человѣческую личность, которая дѣлается подчиненнымъ органомъ общественнаго организма (I, 573). Правда, личность даже и въ этомъ случаѣ все-таки не обращается буквально въ органъ, ибо не теряетъ способностей страдать и наслаждаться, своихъ главныхъ признаковъ (I, 54, 89); но это не мѣшаетъ обществу развиваться по органическому типу и подчиняться всѣмъ законамъ біологическаго развитія: „побѣждая личность и само обращаясь въ организмъ, общество подлежитъ уже всѣмъ условіямъ органической жизни“ (I, 573).

Въ другой формѣ, но эту же мысль высказываетъ Михайловскій, принимая сходство отношеній между организмомъ и органомъ съ одной стороны, обществомъ и индивидуумомъ — съ другой; онъ принимаетъ формулу $A:B = B:C$, гдѣ A — общество, B — индивидуумъ, индивидуальный организмъ, C — органъ, причемъ „вовсе нѣтъ надобности утверждать сходство между обществомъ и недѣлимымъ и между недѣлимымъ и органомъ; достаточно сходства отношеній между ними“ (I, 356). Иначе говоря, Михайловскій принимаетъ не формулу $A:B = B:C$, такъ какъ это формула, принимаемая органической теоріей общества, а формулу $A:B = C:D$, гдѣ

A —общество, B —личность, C —организмъ и D —органъ. Въ то время, какъ органическая теорія утверждаетъ, что $A=C$ и $B=D$, т.-е. отождествляетъ общество и организмъ, личность и органъ, Михайловскій согласенъ признать только сходство социологическаго отношенія $A:B$ и биологическаго отношенія $C:D$. Надо однако подчеркнуть, что такое сходство отношеній онъ принимаетъ только для обществъ, развивающихся по органическому типу; но даже и въ этомъ случаѣ онъ неоднократно напоминаетъ, что развивающееся по органическому типу общество все-таки не организмъ; общество не интеграль, поглотившій безконечное количество безконечно малыхъ элементовъ, а простая сумма реальныхъ личностей (ср. I, 54, 168, 293 и др.); оно не конкретный организмъ, даже не дискретный (какъ утверждалъ Спенсеръ), а попросту абстрактный. Но въ то же самое время Михайловскій былъ далекъ отъ наивнаго номинализма, считающаго социальный процессъ суммой индивидуальных дѣйствій; онъ прекрасно понималъ, что такъ же, какъ психологія индивидуума отлична отъ психологіи толпы, такъ и социальный процессъ есть величина *sui generis*, измѣрять которую нужно особымъ масштабомъ; но отъ этой точки зрѣнія анти-номинализма до органической теоріи—дистанція огромнаго размѣра.

Итакъ, вотъ въ какомъ отношеніи Михайловскій „заразился“ органической теоріей общества: онъ призналъ, во-первыхъ, сходство биологическихъ и социологическихъ отношеній (и то съ большими оговорками, см. I, 356—7), онъ призналъ, во-вторыхъ, „органический типъ“ развитія обществъ. Опять-таки это несомнѣнный *façon de parler*, котораго Михайловскій прекрасно могъ избѣгнуть; мы, конечно, не остановились бы на такой формальной сторонѣ вопроса, если бы ея значеніе было только формальное. Но за этимъ способомъ выраженія стоитъ вполне ясная и оригинальная идея, отнюдь не заимствованная отъ „органистовъ“; она-то и составляетъ *Standpunkt* всего разсужденія. Что такое развитіе по органическому типу? это мы увидимъ ниже, когда коснемся настойчиваго разграниченія Михайловскимъ физиологическаго и экономическаго раздѣленія труда; пока замѣтимъ только, что при „органическомъ“ развитіи общества мы имѣемъ дѣло съ развитіемъ всѣхъ элементовъ эксцентрическаго періода и главнымъ образомъ съ развитіемъ сложной коопераціи. Раздѣленіе труда, доведенное до крайнихъ предѣловъ, дѣйствительно превращаетъ, по мнѣнію Михайловскаго, реальную личность въ „палецъ отъ ноги“ общества (ср. I, 796—803); въ этомъ и заключается развитіе по органическому типу. Но общество можетъ разви-

ваться и не по органическому типу — вотъ „желательная возможность“ критическаго народничества; это произойдетъ въ томъ случаѣ, если вмѣсто раздѣленія труда разовьется кооперація простого сотрудничества. Переходя изъ области теоретическихъ построений въ царство практическихъ примѣненій ихъ къ существеннѣйшему вопросу критическаго народничества о синтезѣ личности и общества, мы увидимъ, что пришли къ тѣмъ результатамъ, которые получили уже и другимъ путемъ. Возможный особый путь Россіи — путь не „органическаго“, а надъ-органическаго развитія, путь простой кооперации; при этомъ „надъ-органическомъ“ развитіи не будетъ эволюціи, но зато будетъ прогрессъ, въ томъ смыслѣ, о которомъ мы скажемъ ниже. Государства Западной Европы, вступившія на путь капиталистическаго развитія, будутъ далѣе развиваться по органическому типу, будутъ эволюціонировать, но не прогрессировать, т. е. будутъ развиваться общество, но при этомъ будетъ подавляться индивидуумъ. При первомъ типѣ развитія синтезъ личности и общества возможенъ, а именно выражается въ тождествѣ интересовъ личности и народа; при второмъ типѣ развитія *такой* синтезъ невозможенъ; возможенъ ли онъ вообще въ какомъ-либо иномъ видѣ, мы увидимъ изъ теоріи борьбы за индивидуальность, которой Михайловскій разсѣкъ гордіевъ узелъ проблемы индивидуализма. Чтобы перейти къ этой теоріи, намъ необходимо сперва коснуться дарвинизма въ социологіи, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ органической теоріей общества.

Дарвинистическая социологія имѣла въ лицѣ Михайловскаго такого же непримиримаго врага, какъ и органическая теорія, и по той же самой причинѣ: это была въ высокой степени анти-индивидуалистическая теорія. Дарвинизмъ, какъ великая, всеобъемлющая биологическая система, не подлежалъ суду индивидуализма; но въ своемъ примѣненіи къ социологіи, въ перенесеніи, безъ всякихъ коррективовъ, биологическихъ концепцій въ общественную жизнь, онъ подлежалъ не только суду, а и осужденію. Дарвинистическая социологія вполне догматично перенесла принципы дарвинизма изъ биологіи въ общественную жизнь, утверждая, что наслѣдственность и приспособленіе вполне опредѣляютъ индивидуальность, что борьба за существованіе и подборъ неизбѣжно ведутъ къ вымиранію неприспособленныхъ слабыхъ индивидовъ и къ выживанію приспособленныхъ сильныхъ, въ чемъ и заключается эволюція. Критерій совершенства — приспособленіе къ средѣ; приспособленный индивидъ съ биологической точки зрѣнія совершеннѣе неприспособленнаго; вымираніе не-

приспособленныхъ способствуетъ прогрессу общества. Самъ Дарвинъ съ большой осторожностью прилагалъ такіе принципы къ социологіи; дарвинисты оказались plus darwinistes que Darvine и ничтоже сумняшеся переложили біологическую теорію въ социологическую.

Понятно, почему Михайловскій считаетъ такія попытки переложения „возмутительными“ (V, 538). Дарвинистическая социологія — „забвеніе чловѣка среди ликованій знанія“ (I, 152), новое приращеніе личности за счетъ общества; съ такой теоріей индивидуализмъ можетъ только бороться, примиреніе невозможно, — и Михайловскій въ цѣломъ рядѣ статей выступилъ противъ подавляющей личности теоріи („Теорія Дарвина и общественная наука“, 1870—1873 гг.) Главную силу нападковъ Михайловскій обратилъ на дарвинистическій принципъ прогресса, совершенствованія какъ приспособленія къ средѣ. Прежде всего невѣрно уже то, что будто бы выживаютъ сильные приспособленные: между этими двумя прилагательными вовсе нѣтъ знака тождества. Сильный можетъ оказаться неприспособленнымъ, приспособленнымъ иногда оказывается слабый, выживаютъ не сильные, но приспособленные (I, 293); поэтому оптимистическій фатализмъ дарвинистической социологіи и дарвинизма ни на чемъ не основанъ (I, 294; ср. „Л. В.“, II, 318—9 и мѣста изъ статьи „Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха“). Мало того, неприспособленные индивиды съ точки зрѣнія чловѣка, съ „субъективной“ точки зрѣнія, гораздо чаще приспособленныхъ являются положительными дѣятелями историческаго процесса; это Михайловскій доказываетъ своей теоріей „практическихъ“ и „идеальныхъ“ типовъ, отчасти заимствованной отъ Снелля и Геккеля. *S. m.*

„Въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго“ — сказалъ когда-то Герценъ; едва ли не ту же самую мысль повторяетъ Михайловскій, осуждая торжествующіе практическіе типы. Съ точки зрѣнія Михайловскаго не только дарвинистическая социологія — идеологія буржуазіи, но и самъ Дарвинъ „геніальный буржуа натуралистъ“, и философія природы по концепціи дарвинизма является почти сплошнымъ мѣщанствомъ, ибо „стертость“ личностей, отсутствіе ярко выраженныхъ индивидуальностей почти возводится въ научный принципъ. „Сплоченная посредственность“ губитъ все, что такъ или иначе выходитъ изъ нормы; выживаютъ не наиболѣе одаренные индивиды, но наиболѣе приспособленные къ средѣ, и только въ этомъ смыслѣ наиболѣе одаренные; выживаютъ практическіе типы и гибнутъ идеальные. Въ узко-біологическомъ смыслѣ „идеальный типъ“ есть типъ политропный, многосторонній, а потому и не при-

способившійся ни къ какимъ спеціальнымъ условіямъ и благодаря этому способный къ дальнѣйшей эволюціи; „практическій типъ“, наоборотъ, монотропенъ, одностороненъ, а потому и окончательно приспособленъ къ условіямъ жизни и внѣ ихъ существовать не можетъ, т.-е. къ дальнѣйшей эволюціи неспособенъ. Примѣры: практическій типъ — летучая мышь, рыбы (Teleostei); идеальный типъ — поперечноротыя (Selachia); разумѣется, между этими двумя типами существуютъ промежуточныя формы (I, 230, 279, 282 и др.). Михайловскій согласенъ принять эту схему, какъ морфологическій принципъ; но когда этотъ принципъ вводится какъ норма въ соціологическія построенія, когда признають, что приспособленный практическій типъ стоитъ выше неприспособленного идеального (критерій совершенства у дарвинизма — степень приспособленности), то все это вызываетъ рѣзкій отпоръ со стороны убѣжденного и послѣдовательнаго индивидуалиста. Пусть „въ природѣ бездна мѣщанскаго“, пусть узкіе, односторонніе практическіе типы одерживаютъ побѣду по всей линіи надъ широкими, синтетическими, идеальными типами: тѣмъ менѣе причинъ переносить все это въ соціологію и примиряться съ представителями практическаго типа — съ мѣщанами, заплотившими жизнь. Мѣщанинъ — это не личность, это „осколокъ личности“; это практическій типъ, приспособляющійся „ко всякой обстановкѣ“, какъ бы она ни была узка и душна“, въ то время какъ идеальный типъ является полнымъ, многостороннимъ, выходящимъ изъ тѣсныхъ рамокъ. „Практическій типъ“, какъ біологическій терминъ, въ своемъ соціологическомъ примѣненіи весьма удачно поясняетъ нѣсколько расплывчатое понятіе „мѣщанство“ и служитъ къ дальнѣйшему выясненію извѣстныхъ уже намъ основаній міровоззрѣнія Михайловскаго. Краеугольнымъ камнемъ всякихъ теорій, критеріемъ ихъ долженъ быть интересъ реальной личности; все зданіе Правды должно быть построено на личности: личность есть тотъ центръ, изъ котораго разсѣиваются во всѣ стороны лучи Правды — со всѣмъ этимъ мы уже встрѣчались неоднократно. Но что такое интересъ реальной личности? и о какой личности идетъ рѣчь? „Практическіе типы, это тѣ, которые быстро приспособляются ко всякой обстановкѣ, какъ бы она ни была узка и душна, которые согласны существовать въ видѣ любого колеса любой телѣги, хотя бы оно было пятое... Идеальные типы, напротивъ, слишкомъ полны, слишкомъ многосторонни, чтобы умѣститься въ какой-нибудь тѣсной рамкѣ. Понятно, что личный интересъ практическаго типа и личный интересъ идеальнаго типа далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ

земли". Интересы практическаго типа часто отождествляются съ интересами среды, а ужь конечно не въ мѣщанской средѣ (въ широкомъ смыслѣ) намъ искать своихъ идеаловъ; интересы идеальнаго типа отождествляются не съ интересами среды или системы, а стоятъ выше ихъ. „Идеальный типъ... личный свой интересъ укладываетъ не въ ту или другую наличную общественную систему, а въ общественный идеаль—въ такой именно идеаль, гдѣ личность свята и неприкосновенна“. Итакъ, именно идеальный типъ выдвигаетъ впередъ личность и въ этомъ отношеніи является представителемъ индивидуализма; благо реальной личности лежитъ поэтому въ области интересовъ идеальнаго типа. „...Мѣриломъ достоинства всякаго союза—партіи, кружка, семьи, націи и проч.—долженъ служить интересъ личности, разумѣется, личности не практическаго типа, потому что это значило бы мѣрять аршинъ аршиномъ же, а такое измѣреніе ничего, кромѣ простаго тождества, дать не можетъ“... (IV, 458—460). Интересомъ личности практическаго типа будетъ приспособленіе къ средѣ; во всякомъ случаѣ не этотъ анти-индивидуалистическій идеаль можетъ удовлетворить личность.

Теперь понятно, отчего Михайловскій считаетъ Дарвина „геніальнымъ буржуа-натуралистомъ“ (I, 180; V, 635), дарвинизмъ считаетъ „геніальной буржуазной теоріей“ (I, 914; ср. I, 416—7, 421—2) и посвящаетъ цѣлую статью проведенію параллели между дарвинизмомъ и оперетками Оффенбаха, какъ совмѣстными служителями торжествующей буржуазіи: все это происходитъ вслѣдствіе полнѣйшаго несогласія Михайловскаго съ дарвинистическимъ критеріемъ совершенства и совершенствованія, выдвигающимъ впередъ узкіе практическіе типы побѣдителей въ борьбѣ за существованіе. Эту борьбу Михайловскій не признавалъ „творческимъ принципомъ“, что не мѣшало ему считать дарвинизмъ геніальной научной теоріей (III, 774); что же касается дарвинистической соціологіи, то эта во всѣхъ отношеніяхъ плоская теорія не имѣетъ никакого права на существованіе: торжество приспособленныхъ, побѣдителей въ конкуренціи, есть торжество мѣщанства и буржуазіи, а такихъ идеаловъ трудно пожелать и врагу. Въ противовѣсъ всѣмъ этимъ анти-индивидуалистическимъ теоріямъ, Михайловскій постоянно стремился создать свое цѣльное міровоззрѣніе, выставляющее на первый планъ идеальный типъ, т. е. широкую, многостороннюю личность. Критикуя органическую теорію и дарвинизмъ, онъ выработалъ стройную и цѣльную точку зрѣнія (каково бы ни было ея безотносительное значеніе)

и выразилъ ее главнымъ образомъ въ своихъ теоріяхъ прогресса и борьбы за индивидуальность.

Дарвинистическій критерій прогресса — приспособленіе къ средѣ — Михайловскій рѣшительно отрицаетъ; въ основу своихъ построений онъ кладетъ діаметрально-противоположный принципъ, такъ называемый законъ Бера. Этотъ гипотетическій законъ предлагаетъ считать эволюціей организма дифференціацію его, обособленіе и приспособленіе отдѣльныхъ органовъ: послѣднее довольно неудачно названо (Мильнъ-Эдварсомъ) „физиологическимъ раздѣленіемъ труда“. Такимъ образомъ „критеріемъ совершенства живыхъ существъ признается здѣсь степень разнородности ихъ частей и степень раздѣленія между этими частями труда“ (III, 409; см. еще I, 18, 228, 280, 285—6 и др.). Этотъ законъ Михайловскій кладетъ во главу угла всего построения; конечно, не въ этомъ заключается оригинальная сторона его теорій: законъ Бера лежитъ также въ основѣ эволюціонной теоріи Спенсера, его принимаютъ и Дарвинъ и дарвинисты (напр., Негели, Геккель). Но Дарвинъ пытался свести этотъ законъ къ закону дивергенціи, къ критерию приспособляемости къ средѣ, или по крайней мѣрѣ отождествить съ нимъ; Спенсеръ же, наоборотъ, пытается дать этому закону слишкомъ широкое толкованіе, примѣняя его и къ эволюціи неорганическаго міра и къ эволюціи человѣческихъ обществъ (I, 286 и 19). И съ тѣмъ и съ другимъ совершенно не согласенъ Михайловскій: во-первыхъ, онъ считаетъ этотъ законъ общимъ и несводимымъ, во-вторыхъ, онъ считаетъ грубѣйшей ошибкой догматическое примѣненіе его къ социологіи, въ чемъ въ сущности и заключался X весь грѣхъ органической теоріи общества. Интересно, что ошибки Дарвина и Спенсера, на первый взглядъ совершенно различныя, по существу дѣла вполне одинаковы и заключаются въ приравниваніи органа индивидууму: такое отождествленіе было результатомъ органической теоріи Спенсера (и не его одного), оно же вытекало изъ дарвиновскаго закона дивергенціи признаковъ. „Законъ дивергенціи или расхожденія признаковъ говоритъ, что вслѣдствіе борьбы за существованіе организмы стремятся образовать все большее и большее количество разновидностей, т.е. установить возможно большее различіе между недѣлимыми“ (I, 227; подробнѣе I, 286—294). Между тѣмъ законъ Бера или, какъ его называетъ Михайловскій, законъ индивидуальнаго развитія „сводится къ постепенному обособленію органовъ и усиленію между ними раздѣленія труда и различія, различія между органами“ (Ibid.; курсивъ Михайловскаго). Такимъ образомъ смѣшеніе этихъ законовъ есть та же старая ошибка орга-

нической теории общества, которая в формулѣ $A : B = C : D$ принимала $B = D$. Отождествленіе этихъ законовъ дарвинистической социологіей равносильно перенесенію закона Бера въ науку объ обществахъ: ни то, ни другое не можетъ быть терпимо въ индивидуалистическомъ міровоззрѣніи. Законъ Бера есть законъ индивидуальнаго развитія — и только; законъ дивергенціи характеризуетъ собою только развитіе видовое, біологическое; но ни тотъ, ни другой законъ не имѣютъ мѣста въ социологіи. *Непримѣнимость закона Бера и закона дивергенціи, какъ социологическихъ нормъ* — основное положеніе Михайловскаго. Принимая законъ Бера за законъ индивидуальнаго развитія, Михайловскій не согласенъ считать его нормой развитія социологическаго; иначе говоря, онъ настойчиво отвергаетъ отождествленіе „физиологическаго раздѣленія труда“, въ которомъ и заключается сущность закона Бера, съ раздѣленіемъ труда экономическимъ; доказательству этой мысли посвящена уже отмѣченная выше статья „Что такое прогрессъ?“

Въ борьбѣ съ отождествленіемъ физиологическаго и экономическаго раздѣленія труда не трудно видѣть продолженіе борьбы съ органической теоріей общества. Считая общество за организмъ, естественно придти къ заключенію о примѣненіи къ этому организму закона Бера, и считать прогрессомъ дифференціацію этого организма, т.-е. раздѣленіе труда между индивидами, отдѣльными органами общества. Такое сравненіе незаконно, во-первыхъ, потому, что „процессъ общественныхъ дифференцированій параллеленъ процессу дифференцированій не *недѣлимыхъ*, а *видовъ*“ (I, 183); во-вторыхъ же, и это главное, „взаимныя отношенія физиологическаго и экономическаго раздѣленія труда таковы, что они взаимно исключаются, т.-е.: чѣмъ общественное раздѣленіе труда сильнѣе, тѣмъ физиологическое слабѣе и обратно“ (I, 461). Другими словами: экономическое раздѣленіе труда, приводящее къ крайней специализаціи, убиваетъ личность и широту ея, выражающуюся въ соразмѣрномъ упражненіи всѣхъ способностей человѣка, т.-е. въ физиологическомъ раздѣленіи труда. Въ обществахъ, развивающихся по „органическому типу“, это такъ и есть: въ нихъ имѣетъ мѣсто законъ Бера, экономическое раздѣленіе труда торжествуетъ, личность съуживается и обращается въ „палецъ отъ ноги“ общества; въ нихъ происходитъ эволюція, но не прогрессъ. Но въ обществахъ, развивающихся не по органическому типу — а мы знаемъ, что вѣра въ возможность такихъ обществъ составляла характернѣйшую черту міровоззрѣнія критическаго народничества Герцена и Михайловскаго — развитіе должно

происходить по совершенно иному закону. Законъ Бера является въ этихъ обществахъ только Закономъ индивидуальнаго развитія, а значить физиологическое раздѣленіе труда, гарантирующее личности широту развитія, доминируетъ надъ экономическимъ раздѣленіемъ труда; мѣсто послѣдняго должна занять кооперація простого сотрудничества, содѣйствующая расширенію человѣческой индивидуальности (I, 460). Въ то время какъ кооперація сложнаго сотрудничества, т.-е. раздѣленіе труда, приводитъ къ борьбѣ за существованіе, простое сотрудничество ее устраняетъ (I, 183); только кооперація простого сотрудничества можетъ „парализовать невыгоды индивидуальной измѣнчивости, сохраняя ея выгоды“ (I, 294). Общество, въ которомъ имѣетъ мѣсто такая кооперація, въ которомъ законъ Бера является не соціологической нормой, а принципомъ индивидуальнаго развитія, въ которомъ экономическое раздѣленіе труда между индивидами замѣнено физиологическимъ раздѣленіемъ труда между органами этихъ индивидовъ, — такое общество, по мнѣнію Михайловскаго, дѣйствительно прогрессируетъ, а не только испытываетъ процессъ эволюціи. Отсюда знаменитая формула прогресса Михайловскаго: „прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ“ (I, 150). Два года спустя, повторяя эту же самую формулу, Михайловскій подчеркнул, что она одинаково направлена и противъ органической теоріи общества и противъ дарвинистической соціологіи; онъ поставилъ себѣ „въ особенную заслугу разъясненіе антагонизма между раздѣленіемъ труда физиологическимъ и экономическимъ“; онъ указалъ, что съ этой точки зрѣнія борьба за существованіе между индивидами одного и того же вида и дивергенція признаковъ суть элементы регресса. „Внѣ приведенной формулы — заявляетъ Михайловскій — нѣтъ примиренія между интересами личности и общества, и въковой тяжбы между ними нѣтъ конца“ (I, 296—7; курсивъ нашъ).

Свою формулу прогресса Михайловскій считалъ непровержимой; мы находимъ ее въ высокой степени замѣчательной, хотя и ошибочной. Въ чемъ состояла постоянная ошибка Михайловскаго — объ этомъ намъ еще придется говорить; пока мы остановимся только на значеніи этой формулы и на выводахъ изъ нея. Значеніе этой

формулы прогресса намъ представляется громаднымъ; въ ней выражено въ сжатомъ видѣ все міровоззрѣніе семидесятыхъ годовъ, вся сила индивидуализма Михайловскаго. Мы видимъ въ ней прежде всего то самое требованіе широты личности, которое лежало краеугольнымъ камнемъ воззрѣній Герцена, — только оно выражено теперь въ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ научныхъ терминахъ. Эта формула прогресса еще разъ показываетъ, что, по Михайловскому, въ обществѣ, развивающемся по органическому типу и — что то же самое — принимающемъ законъ Бера за социологическую норму, проблема индивидуализма не можетъ быть рѣшена. Синтезъ личности и общества возможенъ только при надъ-органическомъ типѣ развитія, при индивидуальномъ примѣненіи закона Бера, при приматѣ фізіологическаго раздѣленія труда надъ экономическимъ; это именно тотъ случай, при которомъ на первый планъ ставится благо реальной личности и такимъ образомъ становится возможнымъ двуединый критерій блага реальной личности и трудящихся классовъ. Вотъ особый путь развитія Россіи, который представлялся критическимъ народникамъ „желательной возможностью“; только при такомъ прогрессѣ они полагали возможнымъ рѣшеніе проблемы индивидуализма. Рѣшеніе вопроса, въ какія отношенія останутся личность и общество при органическомъ типѣ развитія послѣдняго, иначе говоря, рѣшеніе проблемы индивидуализма въ общемъ случаѣ дается Михайловскимъ въ дальнѣйшемъ развитіи теоріи прогресса — а именно, въ теоріи борьбы за индивидуальность.

Необходимо различать органической и надъ-органической пути общественного развитія, говоритъ Михайловскій; необходимо различать эволюцію отъ прогресса. Прогрессъ свидѣтельствуетъ о надъ-органическомъ пути развитія и обратно: надъ-органической путь развитія сопровождается прогрессомъ и ведетъ къ нему; такой типъ общественного развитія наиболѣе симпатиченъ Михайловскому, хотя бы онъ выражался и въ мало обозначенныхъ формахъ, недостигающихъ высокой степени развитія. Эволюція служитъ признакомъ органическаго пути развитія и органической путь развитія сопровождается эволюціей; степень эволюціи можетъ быть весьма высока, но это не мѣшаетъ Михайловскому отнестись къ ней отрицательно. Такимъ образомъ Михайловскій раздѣляетъ „типъ“ и „степень“ развитія. Когда происходитъ раздѣленіе труда между индивидами, то одновременно съ этимъ сокращается или прекращается раздѣленіе труда между органами этихъ индивидовъ; мы знаемъ, что въ этомъ положеніи Михайловскій видѣлъ ключъ ко всей теоріи про-

гресса. Но разъ это такъ, разъ общественное раздѣленіе труда отражается отрицательно на раздѣленіи труда физиологическомъ, то очевидно, что часть способностей индивида въ этомъ случаѣ неизбѣжно гложеть; послѣ этого индивидъ можетъ достигнуть весьма высокой степени своего односторонняго развитія, хотя типъ развитія несомнѣнно сдузился, понизился (I, 477, 511; III, 868 и др.; теорія типовъ и степеней развитія намѣчена тѣмъ же Беромъ, о чемъ см. III, 820). Терминологія эта позволяетъ Михайловскому еще болѣе уяснить различіе между двумя типами общественнаго развитія. Общество, идущее надъ-органическимъ путемъ развитія, иначе говоря, общество прогрессирующее можетъ по степени развитія стоять очень низко; но типъ его развитія весьма высокъ; общество эволюционирующее, развивающееся по органическому типу, можетъ высоко стоять по степени развитія, но это не мѣшаетъ типу его развитія быть чрезвычайно низкимъ. Прилагая это къ воззрѣніямъ критическаго народничества, можно сказать, что между капиталистическимъ и натурально-хозяйственнымъ обществомъ, между національнымъ богатствомъ и народнымъ благосостояніемъ Михайловскій видѣлъ существенную разницу въ томъ, что первыя представляютъ *высокую степень развитія пониженного типа*, въ то время вторыя являются *низкой степенью развитія высокаго типа*. На такой низкой степени развитія возможенъ синтезъ между личностью и обществомъ; такой синтезъ и указываетъ именно на высоту типа общественнаго развитія. Борьба за индивидуальность имѣетъ мѣсто и въ этомъ случаѣ, но приводитъ къ соглашенію и примиренію; совсѣмъ другое увидимъ мы въ обществѣ, развивающемся по органическому типу.

Начало теоріи борьбы за индивидуальность намѣчено еще въ статьѣ „Что такое прогрессъ?“, въ томъ же указаніи на диаметрально противоположность физиологическаго и экономическаго раздѣленія труда. Эволюція несовмѣстима съ развитіемъ личности, такъ какъ она нарушаетъ гармоничность этой личности. „...Прогрессъ индивидуальный и развитіе общества (по типу органическаго развитія) взаимно исключаются, какъ взаимно исключаются развитіе органовъ и развитіе недѣлимаго“ (I, 41). Отсюда видно, во-первыхъ, что Михайловскій совершенно ясно раздѣлялъ эволюцію отъ прогресса, и, во-вторыхъ, что идея борьбы личности съ обществомъ (быть можетъ, появившаяся не безъ вліянія Прудона) составляла одну изъ основныхъ мыслей Михайловскаго. Конечно, разъ такая борьба признана, то не можетъ быть колебаній—на чью сторону стать; индивидуумъ, по выраженію Михайловскаго, есть реальное цѣлое, а потому

„не можетъ приноситься въ жертву развитію идеальнаго цѣлаго, каково общество“ (Ibid.). Надо было доказать только-наличность этой борьбы; намеки на это встрѣчаются въ ближайшей статьѣ Михайловскаго „Органъ, недѣлимое, общество“ (см. „Отечественныя Записки“ 1870 г., № 12; въ собраніи сочиненій въ переработанномъ видѣ 1887 г., см. II, 326—366). Въ этой статьѣ продолжается борьба съ органической теоріей общества, съ ея утвержденіемъ, что „каждое органическое цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части“ (стр. 702—703; цитируемъ по „Отеч. Записк.“ 1870 г., № 12); мы уже знаемъ, что для Михайловскаго, наоборотъ, „части тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онѣ лучше служатъ цѣлому, а цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ совершеннѣе его части“ (704). Принимая первый критерій, придется признать, что человѣческое общество ниже муравьиного, а тѣмъ болѣе колоніи сифонофоръ (705); критерій совершенства очевидно не выдерживаетъ испытанія. Возражая органической теоріи общества, Михайловскій утверждаетъ, что „человѣческое общество есть единица отвлеченная“, а потому „человѣкъ не знаетъ надъ собой высшей индивидуальности“ (706). Очевидно, послѣднее Михайловскій относитъ къ обществу, развивающемуся по надъ-органическому типу; наоборотъ, въ обществѣ, развивающемся по органическому типу, имѣетъ мѣсто рѣзкая борьба за индивидуальность, теорію которой въ общемъ видѣ Михайловскій развилъ только въ „Запискахъ Профана“ (1875 г.).

Теорія „борьбы за индивидуальность“ гласитъ, что органической міръ представляетъ рядъ ступеней индивидуальностей, между двумя сосѣдними изъ которыхъ постоянно идетъ борьба. Геккель принимаетъ шесть степеней индивидуальности (клеточка, органъ, антимера, метамера, организмъ и колонія); Михайловскій детально разрабатываетъ вопросъ о взаимоотношеніи двухъ послѣднихъ степеней, т.-е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ и общества. Тектологическіе тезисы Геккеля даютъ слѣдующіе критеріи совершенства: организмы тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе ихъ строеніе, чѣмъ, разнообразнѣе функции ихъ органовъ, чѣмъ эти органы зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлаго и чѣмъ самъ организмъ независимѣ отъ высшей индивидуальности—колоніи или общества; точно также критерій совершенства колоній или обществъ заключается въ разнородности ихъ строенія, въ разнообразности функций организмовъ, органовъ и тканей, въ зависимости всѣхъ низшихъ индивидуальностей отъ колоній и въ ея возможно большей централизованности (II, 351; III, 411). Иначе говоря, цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ

не совершеннѣе его части; мы видимъ, что это иная форма выраженія закона Бера,—закона, неприложимаго къ социологiи по утверженiю Михайловскаго. Какимъ же образомъ онъ теперь строитъ на этомъ законѣ социологическую теорiю борьбы за индивидуальность? Это объясняется все тѣмъ же раздѣленiемъ органическаго и надъ-органическаго типа развитiя обществъ: общество не организмъ, но можетъ развиваться по органическому типу, хотя такое развитiе и будетъ патологическимъ; при органическомъ типѣ развитiя общества можетъ идти рѣчь о „высшей индивидуальности“, очевидно абстрактной. Тутъ и происходитъ частный случай борьбы за индивидуальность: борьба организма-личности съ колонiей-обществомъ. „...Таковы всегда и непремѣнно взаимныя отношенiя двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности: высшая стремится подавить низшую, обращая ее въ свою служебную часть и побуждая ее къ высокому, но одностороннему развитiю въ этомъ специальномъ, служебномъ направленiи; низшая же, продѣлывая то же самое по отношенiю къ индивидуальностямъ еще ниже стоящимъ, въ то же время отстаиваетъ свою самостоятельность отъ посягательствъ высшей. Въ этомъ состоитъ то, что я... назвалъ борьбой за индивидуальность“... (II, 352—3). Само собой разумѣется, что борьба эта не проявляется въ конкретныхъ формахъ; обвиненiе Михайловскаго въ томъ, что онъ грубо реализируетъ общество, какъ высшую индивидуальность, не попадаетъ въ цѣль; борьба за индивидуальность является такой же абстрагированной отъ реальныхъ формъ, какъ и борьба за существованiе: и тутъ и тамъ мы имѣемъ дѣло съ борьбой индивида противъ цѣлаго ряда внѣшнихъ условiй, которыя мы объединяемъ совершенно условно какимъ-нибудь однимъ терминомъ, въ родѣ „природа“, „общество“ (ср. III, 412). Къ слову сказать, Михайловскiй тщательно разграничивалъ борьбу за существованiе и борьбу за индивидуальность, такъ какъ онѣ различаются и по причинамъ и по слѣдствiямъ: во-первыхъ, борьба за существованiе есть борьба за преобладанiе индивида или вида, приспособленiе его, хотя бы цѣною индивидуальнаго регресса, въ то время какъ борьба за индивидуальность есть борьба индивида за свою цѣльность со всѣми условiями среды. Отсюда разница и въ результатахъ борьбы: „результатъ борьбы за существованiе есть приспособленiе къ исторически данной общественной средѣ. Результатъ борьбы за индивидуальность — обратный: приспособленiе среды“ (III, 411; I, 532; I, 550; ср. I, 920). Михайловскiй нигдѣ не говоритъ ясно, но даетъ поводъ заключить, что борьба за существованiе приводитъ къ

образованію практическихъ типовъ, а борьба за индивидуальность образуетъ идеальные типы; или, что одно и то же: борьба за существованіе ведетъ къ высокой, но односторонней степени развитія, а борьба за индивидуальность образуетъ высокой и многосторонній типъ развитія. Конечно, легче приспособляться, чѣмъ приспособлять, легче увеличивать степень развитія, чѣмъ углублять типъ; но Михайловскій въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выражаетъ явную тенденцію къ линіи наибольшаго сопротивленія (ср. I, 686), а потому и объявляетъ борьбу „высшей индивидуальности“, обществу, если оно развивается по органическому типу.

Въ одной изъ самыхъ крупныхъ своихъ статей, въ „Борьбѣ за индивидуальность“ (1875 г.), Михайловскій разсматриваетъ съ точки зрѣнія своей теоріи исторію эволюціи семьи, которая является „высшей индивидуальностью“ по отношенію къ реальной личности, но низшей индивидуальностью по отношенію къ роду, общинѣ, обществу. Онъ рисуетъ сначала (по Баховену) картину изъ доисторическаго періода, когда личность утопала не въ семьѣ и не въ общинѣ, а въ человѣческомъ стадѣ; это періодъ гетеризма, непосредственно за которымъ слѣдуетъ эпоха гинекокраціи, въ концѣ которой мужчины начинаютъ борьбу за свою индивидуальность (I, 482, 520, 533—4 и др.). Борьба мужского и женскаго начала была именно борьбой за индивидуальность, а не за существованіе, это была борьба не только личная, но и общественная (I, 530); основанія этой борьбы лежатъ въ диморфности, въ физиологическихъ различіяхъ. Кстати сказать, диморфность эта, съ точки зрѣнія Михайловскаго, представляетъ несомнѣнное пониженіе организаціи, пониженіе типа, такъ какъ половая дифференціація происходитъ въ ущербъ широтѣ и гармоничности индивида; такимъ образомъ асцидіи стоятъ по типу развитія выше человѣка, вслѣдствіе своего гермафродитизма; на этомъ положеніи мы еще остановимся. Впрочемъ, если съ физиологической точки зрѣнія и мужчина и женщина суть только $\frac{1}{2}$, то съ морфологической точки зрѣнія они—индивиды; въ данномъ случаѣ, конечно, психологическая и соціологическая точки зрѣнія совпадаютъ съ морфологической (ср. II, 342—3). На физиологической точкѣ зрѣнія основана Михайловскимъ его теорія любви; любовь въ своемъ основаніи является стремленіемъ дифференцированныхъ половинъ къ сліянію въ высшемъ типѣ развитія, она есть частный случай борьбы за индивидуальность (I, 507—513). Не останавливаясь на этой остроумной теоріи, укажемъ, что, по мнѣнію Михайловскаго, борьба мужского и женскаго элемента про-

должается понынѣ, причеъ только стороны переѣнились мѣстами: теперь мужчины торжествуютъ, а у женщинъ идетъ борьба „за индивидуальность, за расширение женскаго я, за введеніе въ него новыхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ „элементовъ“ (I, 549). Характерна точка зрѣнія Михайловскаго на этотъ такъ называемый „женскій вопросъ“: онъ всецѣло сочувствуетъ женщинамъ въ ихъ борьбѣ за индивидуальность, но боится, чтобы эта борьба не съузилась до борьбы за существованіе. Пусть передъ женщиной завтра же откроются двери общественной дѣятельности, пусть онѣ хлынутъ въ нее, давя другъ друга и мужчинъ:—что въ этомъ утѣшительнаго для женскаго элемента? „Отъ этого, можетъ быть, выиграетъ тотъ или другой общественный организмъ, та или другая ступень общественной индивидуальности, но женское, коллективное, общее женское дѣло—причемъ оно тутъ?“ Радоваться успѣху такой борьбы за существованіе можно только по недоразумѣнію (I, 549—550; ср. I, 884—888).

Кому на пользу послужила диморфность челоѣка? Высшей индивидуальности—семьѣ, въ которой мы видимъ раздѣленіе труда въ актѣ воспроизведенія новыхъ поколѣній (I, 505). Но по закону борьбы за индивидуальность „процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности необходимо враждебны одинъ другому“ (I, 504; курсивъ Михайловскаго); начинается борьба челоѣка съ семьей, но только въ томъ случаѣ (и эта оговорка очень важна), если семья развивается по органическому типу развитія. „...Творческая сила семьи возможна только тамъ и постольку, гдѣ и поскольку семья не уподобилась организму... Но въ случаѣ органическаго развитія ей, какъ и всякому организму, предстоитъ пройти ступени молодости, зрѣлости, старости и, наконецъ, умереть“ (I, 577—8). Такъ и случилось съ западно-европейской семьей, такъ умираетъ семья и въ нашихъ высшихъ классахъ (I, 579).

Исторія семьи—лучшая иллюстрація эволюціи общества; тутъ въ миниатюрѣ передъ нами проходитъ борьба личности съ высшей индивидуальностью. Борьба личности съ обществомъ есть частный случай борьбы за индивидуальность. Если общество прогрессируетъ, развивается по надъ-органическому типу развитія, то оно бессмертно и въ немъ имѣетъ мѣсто синтезъ между нимъ и личностью; если общество эволюционируетъ по органическому типу развитія, то оно смертно, и личность борется съ нимъ, повинуюсь тому же закону развитія, „борется или, по крайней мѣрѣ, должна бороться за свою

индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность -своего я" (I, 462).

Вотъ подробное, полное и въ высшей степени изящное рѣшеніе проблемы индивидуализма, впервые данное съ такой силой и опредѣленностью. Согласно этому рѣшенію, борьба личности съ обществомъ — фатальная, неминуемая борьба, безъ малѣйшей надежды на какой бы то ни было синтезъ. Эволюція общества совершенно безразлична Михайловскому, если она давить реальную личность, а такъ именно и бываетъ при органическомъ типѣ развитія, при эволюціи экономическаго раздѣленія труда и при вырожденіи раздѣленія труда физиологическаго. „...Очевидно, что съ точки зрѣнія этого закона (закона органической эволюціи) нормальное развитіе общества и нормальное развитіе личности сталкиваются враждебно. Аналогисты этого не понимаютъ. Они твердятъ свое: общество, подобно организму, дифференцируясь, распадаясь на несходныя части, прогрессируетъ. Хорошо, пусть общество прогрессируетъ (т.-е., съ точки зрѣнія Михайловскаго, эволюціонируетъ), но поймите, что личность при этомъ регрессируетъ, что если имѣть въ виду только эту сторону дѣла, то общество есть первый, ближайшій и злѣйшій врагъ челоуѣка“... (I, 461; курсивъ Михайловскаго). Эволюція (но не прогрессъ) общества есть регрессъ реальной личности, согласно закону борьбы за индивидуальность; поэтому борьба личности съ обществомъ неизбежна и неотвратима. Какъ бы отъ лица каждой реальной личности, Михайловскій рѣзко объявляетъ, что будетъ бороться съ обществомъ, развивающимся по органическому типу, будетъ бороться „съ грозящею поглотить меня выспею индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ — увидимъ“ (III, 423). Конечно, при такой борьбѣ придется идти по линіи наибольшаго сопротивленія, но иначе нѣтъ возможности сохранить свою личность и не приспособиться къ средѣ, а приспособить ее. Радоваться побѣдѣ высшей индивидуальности реальная личность не можетъ уже по одному тому, что при такой побѣдѣ цивилизація повышается только въ степени и понижается въ своемъ типѣ (I, 478; V, 925; ср. еще III, 499, 500, 227—9; 566—71; „Л. В.“; I, 360—1 и др.); поэтому задача реальной личности должна заключаться въ одновременной возможно интенсивной борьбѣ съ высшей индивидуальностью — обществомъ, и съ низшими индивидуальностями — своими органами; разумѣется, и та и другая борьба является метафорической

на что мы уже указывали. Борьба съ низшими индивидуальностями должна сводиться къ физиологическому раздѣленію труда, борьба съ высшей индивидуальностью — къ отрицанію экономическаго раздѣленія труда; и то и другое ведетъ къ широтѣ индивидуума. „Во-первыхъ, личность должна безпощадно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; должна, слѣдуя старому девизу — „divide et impera“, строго проводить раздѣленіе труда между своими органами, требовать отъ нихъ отъ всѣхъ напряженной спеціальной работы въ ея, личности, интересахъ. Во-вторыхъ, личность должна противодействовать тому, чтобы римскій девизъ „divide et impera“ прилагался къ ней самой со стороны какой бы то ни было ступени индивидуальности, какими бы пышными именами она ни называлась“ (II, 353—4).

Михайловскій полагаетъ, что эта теорія борьбы за индивидуальность обнимаетъ единымъ принципомъ весь міръ (III, 417), что она является центральной нитью историческаго процесса („Л. В.“; II, 425); такъ это или не такъ — для насъ пока несущественно, но несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что эта теорія борьбы за индивидуальность вполне рѣзко и опредѣленно разрѣшаетъ проблему индивидуализма въ ея общемъ видѣ: нѣтъ и не можетъ быть примиренія между личностью и обществомъ (развивающимся по органическому типу), между ними возможна только постоянная борьба. Если побѣдитъ общество — оно будетъ эволюціонировать, развиваться по органическому типу и все болѣе и болѣе поработать себѣ личность; если побѣдитъ личность, то общество будетъ развиваться по надъ-органическому типу, будетъ прогрессировать; быть можетъ, въ послѣднемъ случаѣ оно никогда не достигнетъ той высокой степени развитія, какая возможна въ первомъ случаѣ, но зато по типу развитія оно будетъ стоять несомнѣнно впереди. Главное же, что въ прогрессирующемъ обществѣ также прогрессируетъ и личность, такъ что здѣсь возможенъ синтезъ, невозможный въ первомъ случаѣ. Переводя все это на языкъ реальныхъ фактовъ, можно сказать, что ключемъ ко всякой борьбѣ за индивидуальность является форма коопераціи, опредѣляющая собою эволюцію или прогрессъ общества. Сложная кооперація, въ наиболѣе развитыхъ своихъ формахъ, т.-е. общественное раздѣленіе труда, знаменуетъ собою капиталистическій строй общества, и эволюцію послѣдняго, его развитіе по органическому типу; роль реактивнаго вещества въ этомъ случаѣ играетъ буржуазія; гдѣ есть буржуазія — тамъ общество эволюціонируетъ, гдѣ она не занимаетъ виднаго мѣста — тамъ общество

прогрессируетъ. Вообще раздѣленіе труда, сопутствующее буржуазіи, показываетъ наиболѣе наглядно, кто остается побѣдителемъ въ борьбѣ за индивидуальность, личность или общество; самъ Михайловскій указывалъ, что „на всемъ необъятномъ полѣ жизни идетъ неустанная борьба за индивидуальность, а орудіемъ этой борьбы служитъ раздѣленіе труда“ (см. „Русское Богатство“ 1897 г., № 5; „Литература и жизнь“).

Теперь намъ еще яснѣе, что понималъ Михайловскій подъ особымъ путемъ развитія Россіи: онъ желалъ Россіи прогресса, т.-е. желалъ побѣды личности въ борьбѣ за индивидуальность. Изъ этого широкаго индивидуализма вытекало уже какъ слѣдствіе отрицательное отношеніе къ мѣщанству вообще и къ буржуазіи въ частности; здѣсь мы опять видимъ сходство и различіе Михайловскаго и Герцена: индивидуализмъ одного соотвѣтствуетъ анти-мѣщанству другого. Борьба за индивидуальность есть борьба съ мѣщанствомъ и съ его частными проявленіями; особый путь Россіи („желательная возможность“) есть путь анти-мѣщанства и побѣды личности, путь прогресса и надъ-органическаго развитія. Сладкія надежды! имъ не суждено было исполниться; мы знаемъ теперь, поль-вѣка спустя,— и въ этомъ мы вернулись назадъ къ Чернышевскому,—что раздѣленіе органическаго и надъ-органическаго путей развитія было необоснованнымъ и беспочвеннымъ, что капиталистическій строй, въ томъ или иномъ его видѣ, не минулъ Россію, что эволюція и прогрессъ идутъ одними и тѣми же путями. И—странное дѣло!—мы не пессимисты, подобно Михайловскому, хотя и не считаемъ, что все идетъ къ лучшему въ семь лучшемъ изъ міровъ... Но наши взгляды еще выяснятся немного ниже, теперь же будемъ продолжать знакомство съ гармоническимъ міровоззрѣніемъ Михайловскаго.

Въ борьбѣ за индивидуальность между личностью и обществомъ желательна побѣда личности. О какой „личности“ идетъ рѣчь—мы уже знаемъ: это личность „идеальнаго типа“, многосторонняя и широкая; таковой является знаменитый „профанъ“ Михайловскаго, человѣкъ, которому близко и дорого все человѣческое. Профанъ есть „человѣкъ по преимуществу“ (III, 354), интересующійся всѣми областями жизни, науки и искусства и примѣняющій къ нимъ все тотъ же критерій блага реальной личности; профану одинаково чужды и мѣщанская узость спеціалиста и мѣщанская плоскость дилетанта. „Дилетанты смотрятъ въ телескопъ, ученые (спеціалисты) смотрятъ въ микроскопъ“—такъ когда-то опредѣлялъ Герценъ одинаково безжизненныя крайности; спеціалисты и буддисты науки изъ-за деревьевъ

не видятъ лѣса, дилетанты — въ лѣсу не желаютъ и не умѣютъ различать отдѣльныхъ деревьевъ... Профанъ видитъ весь лѣсъ, но различаетъ и отдѣльныя деревья; онъ пользуется и телескопомъ и микроскопомъ, но хочетъ смотрѣть на жизнь простымъ, невооруженнымъ глазомъ; онъ высоко чтитъ науку, но думаетъ, что „вычерпать море ретортой нельзя“... („Л. В.“, I, 268). Борьба съ мѣщанствомъ науки, или, вѣрнѣе — дѣятелей ея, ведется Михайловскимъ не менѣе горячо, чѣмъ въ былые дни Герценомъ, и съ той же самой позиціи, причемъ все-таки главные удары Михайловскій направляетъ противъ крайностей спеціализаціи: на этомъ частномъ вопросѣ ему удобно иллюстрировать свои взгляды на благо реальной личности, на значеніе формъ коопераціи, на борьбу за индивидуальность. Крайняя спеціализація приводитъ къ скудости человѣческой жизни; человѣческая личность ступшевывается за ученыхъ, художникомъ, актеромъ и т. д., и личность превращается въ осколокъ личности (I, 398—400; V, 72—77; VI, 40—44, 284; „Л. В.“, II, 75 и др.). Cui prodest, кому идетъ на пользу такое раздробленіе человѣческой личности? Очевидно, „высшей индивидуальности“ — обществу, которое процвѣтаетъ за счетъ безсознательно гибнущихъ спеціалистовъ (III, 423—4); это частный случай того органическаго типа развитія, который неизбѣженъ при сложной коопераціи, при общественномъ раздѣленіи труда, когда общество эволюционируетъ, а личность регрессируетъ. Торжествующій кличъ — „наука для науки, истина для истины, справедливость для справедливости!“ — въ сущности тождествененъ съ девизомъ „человѣкъ для науки, для истины, для справедливости“, а это въ свою очередь, прибавимъ мы отъ себя, легко сопровождается новымъ девизомъ — „наука, истина, справедливость — для общества“ (ср. I, 99; III, 423—4). Только одни профаны, цѣльныя, полныя личности, видятъ всю ненормальность такого порядка вещей. Но что же дѣлать? Мы видѣли, какъ рѣшалъ Герценъ этотъ самый вопросъ; рѣшеніе Михайловскаго подходитъ къ вопросу съ другой стороны. Конечно, невозможно быть спеціалистомъ во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, хотя отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что каждый спеціалистъ долженъ сидѣть подъ своей смоковницей (VI, 284); но такая невозможность не ставитъ крестъ надъ жизненностью науки. Рѣшеніе вопроса заключается въ томъ, что *наука должна служить профанамъ*. Спеціалистъ-сапожникъ шьетъ сапоги, руководствуясь цѣлымъ рядомъ выработанныхъ вѣками приѣмовъ — и въ эту область не вмѣшиваются покупатели; но вопросъ о томъ, годятся сапоги или нѣтъ, по мѣркѣ ли они, не жмутъ ли

ноги—уже въ компетенціи сапожника и касается только покупателя-профана. Такъ и въ наукѣ (III, 279—280, 337—342 и др.). Методы и приемы науки неподсудны профану, который является „свѣдущимъ работникомъ“ только въ какомъ-либо отдѣлѣ (III, 279 и 423); но общіе выводы науки несомнѣнно подсудны ему. Отъ этихъ выводовъ онъ требуетъ прежде всего жизненности: „только ту науку признаю я достойною священнаго имени науки, которая расчищаетъ мнѣ жизненный путь“, ибо „я хочу жить всею доступной для человѣка жизнью, значить не стану ни плоть умерщвлять, въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться, въ угоду экономисту, ни работать не перестану, ни отъ духовныхъ наслажденій не откажусь“... (III, 336). Это съ одной стороны. Съ другой — я не могу признать за людей науки (продолжаемъ рѣчь отъ лица профана) тѣхъ трудолюбивыхъ Вагнеровъ, которые готовы всю жизнь съ радостью изучать дождевого червя и десятки лѣтъ посвящать на какую-нибудь разновидность такого-то вида такого-то рода такого-то семейства жесткокрылыхъ (III, 341); это не люди науки, это жалкіе ремесленники, это жертвы жизни, жертвы органическаго типа развитія общества, жертвы раздѣленія труда; это безличныя, плоскіе и ограниченныя мѣщане науки, продавшіе свою индивидуальность за чечевичную похлебку кухонной латыни. Критерій блага`реальной личности и народа осуждаетъ такую науку и ея представителей, ибо они губятъ свою личность и одновременно съ этимъ ничего не даютъ своему народу.

Намъ нѣтъ необходимости доказывать, что, осуждая такимъ образомъ ремесленниковъ и буддистовъ науки, Михайловскій относится съ величайшимъ уваженіемъ къ самой наукѣ, всеобъемлющей и глубокой. Если онъ и ставитъ требованіе „наука для человѣка“, то это еще отнюдь не значить, чтобы онъ давалъ наукѣ указанія, какого направленія ей держаться; въ этомъ существеннѣйшее различіе Михайловскаго и, на примѣръ, Л. Толстого. Л. Толстой также требуетъ жизненности отъ науки, также ставитъ девизъ „наука для человѣка“, но разница въ томъ, что „человѣкъ для него есть только „толстовецъ“, обращающійся къ наукѣ со спеціальными запросами чрезвычайно узкаго характера и постоянно ошибающійся адресомъ: предъявляющій, на примѣръ, къ астрономіи этические запросы; для Михайловскаго же „человѣкъ“ это „профанъ“, широкая, многосторонняя личность, не суживающая области науки и не ошибающаяся адресомъ. Общая фраза „наука должна служить человѣку“ имѣетъ въ устахъ Михайловскаго и Л. Толстого два совер-

шенно различныхъ значенія, какъ это мы еще увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Фигура „профана“ является лучшей иллюстраціей къ теоріямъ Михайловскаго — къ теоріи прогресса, борьбы за индивидуальность и т. д.; идеальный, политропный типъ, высокій и по типу и по степени развитія, борющійся за свою индивидуальность во имя блага реальной личности — вотъ что такое профанъ, живое воплощеніе всего міровоззрѣнія Михайловскаго въ одномъ типѣ. Впрочемъ мы не въ правѣ говорить обо „всемъ“ міровоззрѣніи Михайловскаго, такъ какъ еще не затронули большой его части: мы ничего еще не сказали о пресловутомъ „субъективномъ методѣ“ въ социологіи, о роли личности въ исторіи, объ этикѣ и эстетикѣ Михайловскаго. До сихъ поръ мы разбирали только практическую часть его міровоззрѣнія — его критическое народничество, и отчасти теоретическую — его теоріи прогресса и борьбы за индивидуальность; теперь мы обратимся къ главной теоретической части его воззрѣнія и къ тому философскому фундаменту, на которомъ построено все зданіе: мы говоримъ о „субъективизмѣ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, а не только о такъ называемомъ „субъективномъ методѣ“.

Очень многіе пытаются положить „субъективный методъ“ (а не „субъективизмъ“) во главу угла всей системы Михайловскаго; на это мы не имѣемъ достаточнаго основанія. Не говоря уже о томъ, что самъ Михайловскій придавалъ „субъективному методу“, какъ теоріи, побочное значеніе (см., напр., его заявленіе въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1901 г., № 2; „Литература и жизнь“, стр. 119), не говоря о томъ, что „субъективный методъ“ есть только вспомогательный приѣмъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ, близко касающихся человѣка, не говоря обо всемъ этомъ, достаточно только указать, что этотъ пресловутый методъ есть простое, вторичное слѣдствіе изъ основнаго двуединаго критерія Михайловскаго. Соціологъ не имѣетъ права, по мнѣнію Михайловскаго, строить науку объ обществѣ такъ же безстрастно и объективно, какъ это дѣлаетъ біологъ, естествоиспытатель; соціологъ всегда долженъ имѣть въ виду, что объектъ его науки есть субъектъ, чувствующій человѣкъ, реальная личность (I, 55). Мы уже знаемъ, что въ обществѣ, развивающемся по органическому типу, личность регрессируетъ, когда общество эволюціонируетъ, т.-е., по обычной терминологіи, прогрессируетъ, но критерій прогресса въ данномъ случаѣ мы беремъ съ субъективной точки зрѣнія, ибо мы примѣняемъ двуединый критерій блага реальной личности и блага народа, а не критерій

блага общества, націи и абстрактнаго человѣка. Личность и общество въ своемъ развитіи двигаются по діаметрально-противоположнымъ направленіямъ (въ этомъ состоитъ теорія борьбы за индивидуальность): „какое (же) изъ этихъ взаимно исключаются движеній слѣдуетъ принять за дѣйствительно прогрессивное?“ — спрашиваетъ Михайловскій. Вотъ его подробно мотивированный отвѣтъ, данный еще въ первой крупной теоретической статьѣ („Что такое прогрессъ?“): „Объективная точка зрѣнія не даетъ руководства для выбора. Она говоритъ только, что прогрессъ есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному... для объективной точки зрѣнія этого и достаточно: общество прогрессируетъ, хотя и давитъ при этомъ личность, заставляя ее переходить отъ разнородности къ однородности. Не то будетъ, когда мы станемъ на противоположную точку зрѣнія (субъективную): когда мы, признавъ, что общество, какъ личность идеальная, не живетъ и не умираетъ, не страдаетъ и не наслаждается, возьмемъ за центръ своего изслѣдованія мыслящую, чувствующую и желающую личность“... Этотъ критерій блага реальной личности и приведетъ насъ къ формулѣ прогресса Михайловскаго (I, 59).

Итакъ, прежде всего, „субъективный методъ“ есть „субъективная точка зрѣнія“ въ социологіи (эту терминологию въ послѣдствіи заимствовалъ у Михайловскаго и развилъ г. Карѣвѣ), дающая *критерій для выбора* одной изъ двухъ объективно-равноцѣнныхъ теорій; поэтому субъективизмъ вовсе не есть отрицаніе возможности объективно-научнаго построенія социологіи, а есть только *критическій идеалъ* при выборѣ одной изъ возможныхъ теорій. Отсюда два слѣдствія: во-первыхъ, *въ социологіи примѣнима не только категорія необходимости, но и категорія возможности*, иначе говоря, социологія должна не только изучать то, что есть и что неизбежно должно быть (müssen), но и то, что можетъ быть; во-вторыхъ, *въ социологіи примѣнима не только категорія необходимости, но и категорія справедливости*; другими словами, социологія должна изучать то, что должно быть (sollen), она является — и въ этомъ ея отличіе отъ „объективныхъ“ наукъ — дисциплиной не только открывающей законы, но и нормирующей ихъ. „Какъ можетъ быть построена социологія?“ — спрашиваетъ Михайловскій, и отвѣчаетъ: „какъ и всякая другая наука, какъ и наука вообще, она должна удовлетворять только потребности познанія; потребность познанія удовлетворяется только истиной; а между тѣмъ социологія имѣетъ дѣло не только съ категоріями истиннаго и ложнаго, а и съ совер-

шенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного "... (III, 395). Тут дилемма, допускающая два рѣшенія: или выкинуть за бортъ социологіи категорію справедливого *ad majorem gloriam* объективной науки — такъ поступаютъ чистые объективисты и въ этомъ состоитъ „объективный методъ“, объективная точка зрѣнія въ социологіи; или признать законность категоріи справедливого въ социологіи и *eo ipso* признать социологію наукой нормирующей — такъ поступаетъ Михайловскій и въ этомъ заключается его субъективный методъ, субъективная точка зрѣнія. Само собой разумѣется, что категорія справедливости отнюдь не исключаетъ категоріи необходимости въ социологіи; когда четверть вѣка спустя, въ серединѣ девяностыхъ годовъ, Плехановъ усиленно доказывалъ Михайловскому возможность существованія „объективных“ истинъ въ социологіи и экономикѣ и находилъ, что „праву моему не препятствуй“ — *ultima ratio* субъективизма, то онъ сражался съ вѣтранными мельницами своего воображенія и показывалъ плохое знакомство съ теоріями жестоко критикуемаго автора (см. Н. Бельтовъ, „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, 1895 г., стр. 203 — 205). Михайловскій всегда самъ настаивалъ на существованіи „объективных“ истинъ въ социологіи, что нисколько не противорѣчитъ его „субъективному“ отношенію къ нимъ; въ своей полемикѣ противъ Южакова (въ 1875 г.) онъ, вполне согласно съ истиной, заявлялъ, что „снимать съ социолога узду обще-обязательныхъ логическихъ формъ мышленія я никогда не думалъ, а напротивъ, всегда предлагалъ надѣть ее“ (III, 397). Этому не противорѣчитъ возможность субъективной оцѣнки истины, добытой объективнымъ путемъ; объективное безпристрастіе не есть еще субъективное безстрастіе — такъ можно выразить мысль Михайловскаго знакомыми намъ словами Бѣлинскаго (ср. „Литература и жизнь“; „Русское Богатство“ 1896 г., № 4). Ярче всего эта разница между объективной истиной и субъективной оцѣнкой ея сказывается у Михайловскаго на первоначальномъ очеркѣ теоріи борьбы за индивидуальность (въ „Запискахъ профана“, 1875 г.). Изложивъ эту теорію, указавъ, что человѣкъ, какъ индивидуальность, есть только одинъ кругъ изъ цѣлой системы концентрическихъ круговъ, начиная съ клѣточки и кончая обществомъ; установивъ законъ, по которому всякая высшая индивидуальность стремится подавить низшую, Михайловскій замѣчаетъ: „вотъ теорія, обнимающая единымъ принципомъ весь міръ и минующая даже тѣнь пристрастія къ личности человѣка“, т.-е. теорія глубоко объективная (III, 417). Но въ концѣ

этой объективной теоріи Михайловскій, по его выраженію, ставитъ субъективное „nicht!“. „Теорія борьбы за индивидуальность истинна, — заявляетъ онъ, — но именно стоя на точкѣ зрѣнія этой борьбы я и объявляю, что буду бороться съ грозящею поглотить меня вышею индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ — увидимъ. И, какъ приступъ къ борьбѣ, я ставлю nicht къ теоріи борьбы за индивидуальность, какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она захватываетъ меня. Я не отрицаю ни одного изъ ея положеній, не отворачиваюсь отъ истины. Я только повинуюсь закону борьбы, когда объявляю, что общество *должно* служить мнѣ, и это положеніе субъективно. Я не смѣю сказать, что оно мнѣ *служитъ*, потому что это было бы недостойная науки неправда, а это невѣрное положеніе объективно“ (Ш, 423).

Итакъ, объективизмъ необходимъ въ построеніи социологической теоріи, субъективизмъ — въ ея примѣненіи; законы социологіи должны быть добыты объективнымъ путемъ, оцѣнка ихъ будетъ субъективной: не трудно видѣть, что этотъ субъективизмъ есть не что иное, какъ тотъ субъективный антропоцентризмъ, который составляетъ, по мнѣнію Михайловскаго, третій фазисъ общечеловѣческаго развитія. Не будемъ входить въ подробности и указывать, что этотъ субъективизмъ ведетъ свое начало отъ антропологизма П. Лаврова, по мнѣнію котораго „социологія не есть наука, отдѣльная отъ этики“ и „социологическая истина есть не что иное, какъ сознанныя справедливость“; достаточно указать на связь субъективизма Михайловскаго съ его теоріей эволюціи формъ коопераціи. „Мой субъективизмъ находится въ самой тѣсной связи съ этой истиной“, — категорически заявилъ однажды самъ Михайловскій („Литература и жизнь“; „Русское Богатство“ 1897 г., № 11); доказательства своей мысли онъ не далъ, но намъ не трудно выяснитъ ея справедливость и показать, что субъективизмъ дѣйствительно находится въ тѣснѣйшей связи съ общимъ мировоззрѣніемъ субъективно-антропоцентрическаго характера. Мы уже знаемъ, что при объективномъ антропоцентризмѣ имѣетъ мѣсто телеологизмъ, какъ по отношенію къ чело-вѣку, такъ и къ природѣ; въ эксцентрическомъ фазисѣ развитія на сцену выступаетъ анти-телеологизмъ, а при субъективномъ антропоцентризмѣ — анти-телеологизмъ по отношенію къ природѣ и телеологизмъ по отношенію къ чело-вѣку; мы видѣли также, что эти три фазиса съ другой стороны являются періодами ультра-индивидуализма.

анти-индивидуализма и индивидуализма. Теперь мы можем охарактеризовать эти фазисы как періоды ультра-субъективизма, анти-субъективизма (т.-е. объективизма) и субъективизма — и это будет вполне согласно съ мыслью самого Михайловскаго. Въ эксцентрическомъ періодѣ, періодѣ сложной коопераціи, абсолютнаго анти-телеологизма и анти-индивидуализма господствуетъ объективный методъ, объективная точка зрѣнія; въ наступающемъ третьемъ періодѣ, субъективно-антропоцентрическомъ, вмѣстѣ съ господствомъ ожидаемой новой формы простой коопераціи, при наличности индивидуализма и телеологизма по отношенію къ человѣку, имѣетъ мѣсто субъективный методъ, субъективная точка зрѣнія. Вотъ та связь между субъективизмомъ и формами коопераціи (какъ признаками обще-человѣческой эволюціи), на которую намекаетъ Михайловскій; связь эта сейчасъ же даетъ намъ возможность указать на новое значеніе субъективизма въ міровоззрѣніи Михайловскаго, значительно дополняющее его общій смыслъ. *Субъективизмъ есть признаніе телеологизма въ социології*; такимъ образомъ социологія есть наука не только открывающая объективно-необходимые законы, но и нормирующая ихъ; не только нормирующая ихъ, но и вырабатывающая общую цѣль своего движенія. Отсюда и ярко-телеологическая формула прогресса Михайловскаго, и его рѣшительное заявленіе: „социологія должна начать съ нѣкоторой утопіи“ (III, 404). Эта „утопія“ — тотъ идеаль, который неизбѣжно сопутствуетъ каждому социологу; въ выборѣ этого идеала и заключается субъективизмъ. „Социологъ... долженъ прямо сказать, — заявляетъ Михайловскій: — желаю познавать отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но кромѣ познанія я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ“... (III, 406). Въ данномъ случаѣ „познаніе отношеній“ является объективной частью социології, а идеалы, стоящіе въ концѣ пути, вырабатываются субъективной точкой зрѣнія; другими словами, субъективизмъ даетъ возможность критическаго отбора, „утопій“ и идеаловъ, причемъ критеріемъ для выбора является у Михайловскаго двуединный критерій блага реальной личности и народа.

Телеологизмъ въ социології снова возвращаетъ насъ къ вопросу о категоріяхъ возможности и справедливости; эти три стороны главнымъ образомъ и опредѣляютъ собой субъективизмъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что подъ „субъективнымъ методомъ“ часто понимаютъ нѣчто вполне узкое и не охватывающее всю сущность субъективизма; здѣсь много вредитъ само невѣрное словосочетаніе „субъективный методъ“. Конечно, никакого субъективнаго метода нѣтъ и

быть не можетъ; Михайловскій сначала пытался отстоять такую терминологию (см., напр., III, 397, 401 и др.), но впоследствии согласился, что „субъективный методъ“ есть не столько методъ, сколько приемъ; субъективизмъ же и не методъ, и не приемъ, а доктрина, вполне определенное социологическое воззрѣніе, и не только социологическое, но и гносеологическое, и психологическое, и этическое; субъективизмъ есть этико-социологическій индивидуализмъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Михайловскій опредѣлялъ субъективный методъ, какъ регулированіе давленія этическихъ элементовъ психологическаго а priori (предвзятаго мнѣнія) на объективное изслѣдованіе социальныхъ явленій (см. „Литература и жизнь“; „Русское Богатство“, 1901 г., № 2, стр. 121—2); это субъективный приемъ, но это не весь субъективизмъ. Считать же субъективизмъ только субъективнымъ мнѣніемъ или только психологическимъ методомъ, значитъ слишкомъ суживать границы субъективизма; надо впрочемъ сказать, что самъ Михайловскій подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ своей недостаточно выдержанной терминологіей. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Что такое прогрессъ?“ мы встрѣчаемся съ заявленіемъ, что къ обществу людей человѣкъ не можетъ относиться настолько объективно, какъ къ агрегату физическихъ тѣлъ и явленій, а потому въ социологіи необходимо примѣнять субъективный методъ. По существу это неоспоримо (на нашъ взглядъ), по формѣ—совершенно невѣрно, ибо, если по указанной здѣсь причинѣ мы должны примѣнять, изучая общество, особый *методъ*, то по той же самой причинѣ мы будемъ поставлены въ необходимость прилагать еще какой-либо особый методъ, изучая не общество вообще, а націю, къ которой мы сами принадлежимъ; точно также съ особымъ методомъ придется подходить къ изученію классовъ общества, съ еще новымъ методомъ—къ вопросу о семьѣ и т. п. Въ этомъ абсурдѣ, конечно, неповиненъ Михайловскій, а виновата терминологія: повторимъ еще разъ, что нѣтъ никакого субъективнаго *метода*. Другой примѣръ: иногда Михайловскій отождествлялъ субъективизмъ съ психологическимъ методомъ: „субъективнымъ методомъ называется такой способъ удовлетворенія познавательной потребности, когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго (III, 402) Иначе говоря, Михайловскій признаетъ объективный и субъективный процессы мысли, подъ которыми понимаетъ описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ фактовъ, причемъ оба эти момента не исключаютъ другъ друга (III, 398—401). Но и это является чрезчуръ узкимъ опредѣленіемъ субъективизма, а потому можетъ привести къ точно

такому же абсурду, какой указанъ выше, хотя по существу и въ этомъ случаѣ Михайловскій правъ. Итакъ, самъ онъ часто подавалъ поводы къ слишкомъ узкому пониманію субъективизма; нашей задачей является устраненіе второстепенныхъ опредѣленій субъективизма и внимательный разборъ центральныхъ его сторонъ. Этихъ сторонъ—три: категория возможности, категория справедливости и телеологизмъ въ социологіи.

О телеологіи мы упоминали выше: *неизбѣжность ея въ социологіи*—это та идея, которую Михайловскій завѣщалъ русской интеллигенціи и которая пробила себѣ дорогу даже черезъ враждебное міровоззрѣніе девяностыхъ годовъ. Конечно, Михайловскій далъ только намекъ на истину, онъ былъ только пионеромъ, но какія бы видоизмѣненія ни потерпѣла эта идея—сущность ея уже твердо усвоена, что особенно ясно сказалось въ идеалистическомъ теченіи начала XX вѣка. Правда, Михайловскій отрицаетъ всякую объективную телеологию (ср. III, 154—158), а значитъ и телеологизмъ историческаго процесса (мысль особенно дорогая современнымъ идеалистамъ); онъ признаетъ только субъективную телеологию, но именно потому его точка зрѣнія намъ дороже, чѣмъ взгляды социологовъ „объективистовъ“. Его субъективная телеологія—одно изъ выраженій его широкаго индивидуализма, его критерія блага реальной личности, являющейся не только безгласнымъ объектомъ социальнаго процесса, но и творцомъ его.

Приблизительно то же самое можно повторить о категорияхъ справедливости и возможности въ социологіи. Требуя примѣненія категории справедливости въ социологіи, Михайловскій ясно показавъ, что его субъективизмъ есть не что иное какъ этико-социологическій индивидуализмъ. *Социологія неотдѣлима отъ этики*—вотъ второе положеніе, упорно повторявшееся Михайловскимъ и также побѣдоносно пробившее брешь въ ортодоксальномъ марксизмѣ девяностыхъ годовъ. Категория справедливаго и категория истиннаго одинаково важны для социологіи; отмахиваться отъ справедливости и хвататься за истину—значитъ намѣренно суживать поле дѣятельности человѣка и исповѣдывать своеобразный рационализмъ. „Истина есть удовлетвореніе только познавательной потребности человѣка, и думать, что она способна удовлетворять *всѣ* потребности, такъ же неосновательно, какъ думать, что мозгъ способенъ исполнять *всѣ* отправленія животнаго организма“ (III, 392; см. 381 и 393—4). Человѣческая личность шире истины—вотъ мысль Михайловскаго; подробно онъ выразилъ ее въ своемъ знаменитомъ соединеніи истины

и справедливости въ одну цѣльную Правду—о чемъ см. его „Письма о правдѣ и неправдѣ“ (1877 г.). Общее міровоззрѣніе, выразившееся въ этихъ „Письмахъ“, изложено нами еще въ началѣ этой главы: оно заключается, какъ мы знаемъ, въ признаніи двуединого критерія блага личности и народа; теперь мы затронемъ только отношеніе Михайловскаго къ этикѣ, выразившееся какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ. Обращаясь къ этому, необходимо прежде всего указать, что въ лицѣ Михайловскаго русская интеллигенція сдѣлала большой шагъ отъ узкаго утилитаризма къ критикѣ этого ученія. Уже Лавровъ относился къ утилитаризму болѣе критически, чѣмъ Чернышевскій; Михайловскій идетъ еще дальше въ этомъ направленіи: онъ указываетъ, что всѣ утилитарныя теоріи этики запачканы „тусклымъ пятномъ“ искусственнаго, но отнюдь не искусства, сочетанія пользы личной и общественной (I, 294—5). Это задача трудная, а съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность даже неразрѣшимая; но такое признаніе не заставляетъ Михайловскаго отвернуться отъ утилитаризма, онъ даже защищаетъ его отъ критики Спенсера (III, 143—4). Кстати сказать, въ своей статьѣ „Что такое счастье?“ (1872 г.) Михайловскій противопоставляетъ свою точку зрѣнія на счастье взглядамъ Спенсера; отрицательно относясь къ теоріямъ утилитаризма о наибольшемъ счастьи наибольшаго числа людей, отрицая даже взглядъ Спенсера, по которому счастье измѣряется количествомъ удовлетворяемыхъ желаній въ обществѣ, развивающемся по органическому типу, Михайловскій даетъ понятіе, что счастье измѣряется „количествомъ силъ и способностей, находящихся въ дѣятельномъ состояніи“ (III, 189), т.-е. физиологическимъ раздѣленіемъ труда индивидуума. Не трудно видѣть, что такое положеніе вполне гармонируетъ съ общимъ міровоззрѣніемъ Михайловскаго и вытекаетъ изъ его формулы прогресса и критерія блага реальной личности, но мы не будемъ на этомъ останавливаться; интереснѣе указать, что Михайловскій тщательно подчеркиваетъ отсутствіе логической связи между утилитаризмомъ и эгоизмомъ, а также между утилитаризмомъ и индивидуализмомъ, равно какъ и между индивидуализмомъ и эгоизмомъ (III, 261—2, 267; III, 220, 235—6; IV, 453, 458 и др. Замѣтимъ въ скобкахъ, что Михайловскій не выдерживалъ терминологіи и иногда смѣшивалъ индивидуализмъ съ эгоизмомъ, напр., VI, 299, а иногда понималъ подъ индивидуализмомъ ультра-индивидуализмъ, напр., III, 63, 67,—но это въ статьѣ о Луи Бланѣ, гдѣ господствуетъ терминологія послѣдняго). Михайловскій понималъ, что утилитаризмъ есть болѣе путанная теорія,

чѣмъ часто полагають; но онъ еще не видѣлъ, что теорія эта имѣетъ значеніе только для генетическаго обзора явленій этики, но не объясняетъ сущности ея; онъ не видѣлъ, — хотя и смутно чувствовалъ, — что утилитаризмъ является неизбѣжнымъ этическимъ антииндивидуализмомъ. Отрицая интуитивную этику (см. III, 272 и III, 150), Михайловскій не видѣлъ другого исхода, какъ принятіе утилитарной морали, хотя и признавалъ, что она спита изъ обрывковъ и что тусклыя пятна ея заштопаны бѣлыми нитками. Дальше этого онъ не могъ пойти въ своей критикѣ, такъ какъ, какъ мы увидимъ ниже, не владѣлъ единственнымъ оружіемъ для окончательнаго низверженія утилитаризма и для открытія новой дороги; оружіе это — критическая философія. Но какъ бы то ни было, своимъ признаніемъ неизбѣжности этики въ социологіи Михайловскій, каковы бы ни были его ошибки, выдвинулъ впередъ вопросъ громадной важности, достаточно опѣненной только въ наше время. Обративъ вниманіе не только на правду-истину, но и на правду-справедливость, онъ прежде всего избѣжалъ узкаго раціонализма, въ которомъ были грѣшны шестидесятыя годы, и этимъ самымъ расширилъ поле дѣйствія человѣческой личности. Человѣкъ выше истины, человѣкъ выше справедливости — по крайней мѣрѣ *шире* ихъ, какъ бы говорить Михайловскій (вспомнимъ еще разъ насмѣшки Герцена надъ *fiat justitia, pereat mundus*: а что же станетъ тогда съ мюнхенской пинакотекой?); но въ человѣкѣ должны быть неразрывно связаны и истина и справедливость. „Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію — правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную, — такова задача всей моей жизни“ — писалъ Михайловскій уже въ 1889 г., и прибавлялъ: „нелегкая эта задача“. Да, дѣйствительно нелегкая, ибо это величайшая задача не только одного Михайловскаго; это задача не только этическая, психологическая и социологическая, но и главнымъ образомъ гносеологическая, такъ что Михайловскій своимъ субъективизмомъ задѣлъ только небольшую ея часть. Но и изъ этой небольшой части онъ создалъ цѣльное міровоззрѣніе, которымъ синтезировалъ многія противорѣчія русской мысли предыдущихъ десятилѣтій. — Возвращаясь къ примѣненію правды-справедливости въ социологіи, мы закончимъ указаніемъ, что этико-социологическій субъективизмъ Михайловскаго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго (кромѣ названія) съ нѣмецкой этической школой въ социологіи и экономикѣ, съ такъ называемымъ катедеръ-соціализмомъ. Это особенно старательно подчеркиваетъ самъ

Михайловскій, выражая свое полнѣйшее несогласіе съ положеніями этической школы, которая, по его мнѣнію „двусмысленное, ни рыбное, ни мясное, хотя и заслуживающее вниманія явленіе“ (VI, 285). Онъ признаетъ, что у катедеръ-соціалистовъ можно найти недурную разработку частныхъ вопросовъ, рядъ полезныхъ монографій, но не болѣе (VI, 295): этическая школа стала на твердую почву, но почву эту она еще не воздѣлала и зерно не посеяла (VI, 300); она не дала обобщающаго соціально-экономическаго воззрѣнія, какимъ Михайловскій имѣлъ право считать свой субъективизмъ, который такимъ образомъ вовсе не тождествененъ нѣмецкой этической школѣ, хотя и имѣетъ съ ней точки соприкосновенія.

Итакъ, телеологизмъ въ соціологіи и этика въ соціологіи—двѣ основныхъ стороны субъективизма Михайловскаго; намъ остается рассмотретьъ еще послѣднюю сторону, а именно примѣненіе въ соціологіи категоріи возможности. Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ двумя побочными проблемами—съ проблемой детерминизма и съ проблемой роли личности въ исторіи. *Примѣненіе категоріи возможности неизбежно въ соціологіи*—вотъ третій выводъ Михайловскаго, вызвавшій наиболѣе рѣзкую критику въ девяностыхъ годахъ и даже встрѣтившій вполне отрицательное отношеніе въ идеалистическомъ теченіи начала XX вѣка. Выставляя подчеркнутое выше положеніе, субъективизмъ является околнымъ выраженіемъ принимаемаго Михайловскимъ принципа свободы воли; отсюда, конечно, было бы вполне ошибочнымъ заключить, что Михайловскій былъ индетерминистомъ. Онъ былъ вполне убѣжденный детерминистъ и не могъ быть никѣмъ другимъ, такъ какъ это противорѣчило бы его индивидуализму: не трудно видѣть, что индетерминизмъ является выраженіемъ ультра-индивидуализма, также какъ фатализмъ—анти-индивидуализма. (Было бы очень соблазнительно подробно остановиться на параллелизмѣ индетерминизма, фатализма и детерминизма съ тремя фазисами соціальнаго процесса, указанными Михайловскимъ, и указать на связь формъ коопераціи съ эволюціей взглядовъ на законосообразность и свободу воли,—но это слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону). Михайловскій одинаково сильно возставалъ какъ противъ фатализма, такъ и противъ индетерминизма, а потому онъ съ этой точки зрѣнія еще разъ рѣзко осудилъ какъ органическую теорію общества, такъ и взгляды Спенсера. Органическая теорія фаталистична, такъ какъ ранѣе указываетъ путь развитія всякаго общества, не считаясь съ его особенностями (см. I, 366—390); теорія Спенсера также фаталистична, такъ какъ „переходъ отъ неопредѣленной, безсвязной одно-

родности къ опредѣленной, связной разнородности путемъ непре-
рывныхъ дифференціацій и интеграцій“ (это знаменитая „формула
прогресса“ Спенсера) совершенно устраняетъ человѣка изъ социаль-
наго процесса; къ тому же абсолютный оптимизмъ Спенсера, твердо
увѣреннаго, что все къ лучшему въ семь лучшемъ изъ міровъ, ка-
жется Михайловскому тоже фаталистичнымъ (см. III, 167—8, 175,
177, 181—2 и др.). Фатализмъ и оптимизмъ являются, по мнѣнію
Михайловскаго, двумя родственными и одинаково вредными недугами
человѣчества; всякая идея, каждая теорія неизбѣжно переживаютъ эту
болѣзнь, „злокачественную и отвратительную сыпь оптимизма и фата-
лизма“ (III, 434; ср. еще II, 385; это отвращеніе къ оптимизму
чрезвычайно характерно для Михайловскаго); заразилась этой бо-
лѣзнию и идея законосообразности человѣческихъ дѣйствій, утверждая,
что все идетъ къ лучшему (т.-е. что эволюція = прогрессъ) и что
человѣческая воля бессильна и несвободна, что каждый изъ насъ
играетъ роль шашки, передвигаемой властной рукой рока по шах-
матной доскѣ социальной жизни. „Намъ, профанамъ, эти разсужденія
глубоко противны, мы ихъ не можемъ переварить“ — заявляетъ Ми-
хайловскій и формулируетъ свою детерминистическую точку зрѣнія,
по которой „человѣческая дѣятельность есть одно изъ звеньевъ цѣлой
цѣпи причинъ и слѣдствій, звено ни безусловно пассивное, ни без-
условно самоопредѣляющееся (III, 435 и 14). „Съ одной стороны,
есть въ исторіи теченія, съ которыми человѣку, будь онъ семи пядей
во лбу, бороться невозможно. Съ другой—человѣкъ, получивъ при-
чинный толчокъ отъ данной комбинаціи фактовъ, становится къ ней
самъ въ отношенія причиннаго дѣятеля и можетъ вліять на нее
болѣе или менѣе сильно“ (VI, 101). Но противорѣчіе между необ-
ходимостью и свободой лежитъ глубже, и самъ Михайловскій при-
знаетъ, что оно „неразрѣσιμο по существу“ (III, 437 и 440); мы
принуждены опираться то на ту, то на другую: на свободу мы опи-
раемся въ практической сферѣ жизни, на необходимость—въ теоре-
тической области познанія. Человѣку присуще „сознаніе свободного
выбора дѣятельности“, подчеркиваетъ Михайловскій (I, 777) и та-
кимъ образомъ признаетъ свободу воли въ практической сферѣ жизни;
„въ моментъ дѣятельности я сознаю, что ставлю себѣ цѣль свободно,
совершенно независимо отъ вліянія историческихъ условій,—разви-
ваетъ онъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ: — пусть это обманъ, но
имъ движется исторія“... (III, 437; еще по этому вопросу см. VI,
113—114; I, 368; IV, 62 и др.); такая точка зрѣнія вполне
мирится съ признаніемъ законосообразности всѣхъ явленій, хотя и

не разрѣшаетъ проблемы о свободѣ и необходимости. Но эта же точка зрѣнія вводитъ въ социологію и категорію возможности. „Въ дѣйствительности, какъ только мы вступаемъ въ нее въ качествѣ живыхъ участниковъ, необходимость умѣряется возможностью и вѣроятностью и окрыляется желательностью, причѣмъ не исчезаетъ, а занимаетъ свое условное мѣсто въ нашемъ міровоззрѣніи и—я сказалъ бы—міровоздѣйствіи“ („Л. В.“; II, 263—4). Не трудно видѣть связь всего этого съ субъективизмомъ Михайловскаго: субъективизмъ есть, какъ мы сказали выше, окольное выраженіе признанія свободной воли въ сферѣ практической жизни. Объективизмъ есть точка зрѣнія чистаго разума, субъективизмъ— нравственный судъ свободной воли: здѣсь одно не отрицаетъ, а дополняетъ другое, и такимъ путемъ Михайловскій истолковываетъ великую антиномію, установленную Кантомъ (VI, 120). Намъ остается только указать, что и въ этомъ вопросѣ мы считаемъ Михайловскаго правымъ по существу, хотя онъ и не владѣлъ оружіемъ критической философіи, которая помогла бы ему гораздо глубже затронуть вопросъ.

Послѣ всего сказаннаго выше намъ нѣтъ необходимости долго останавливаться на отношеніи Михайловскаго къ вопросу о роли личности въ исторіи: это вопросъ второстепенный въ его міровоззрѣніи, и надо только удивляться, какъ могли многіе считать вопросъ о „герояхъ и толпѣ“ центральнымъ пунктомъ міровоззрѣнія Михайловскаго. Онъ дѣйствительно много останавливался на психологіи толпы (напр., статьи „Герои и толпа“, 1882 г., „Патологическая магія“, 1887 г. и др.), но отсюда до теоріи критически мыслящихъ личностей, двигающихъ исторію—дистанція огромнаго размѣра. Для Михайловскаго роль личности въ историческомъ процессѣ пропорціональна вліянію на этотъ процессъ категоріи возможности, и обратно; такимъ образомъ личность въ социальномъ процессѣ не есть нуль, но не есть и произвольно большая величина: она—функція цѣлаго ряда величинъ и ограничена предѣлами законосообразности и необходимости. Эта точка зрѣнія особенно близко подходитъ къ той, которую въ свое время высказывалъ Добролюбовъ, по образному сравненію котораго даже „великіе люди“ являются неизбежнымъ слѣдствіемъ комбинаціи факторовъ среды: такъ дождь, освѣжающій землю, образуется изъ испареній той же земли (Добролюбовъ; Соч., II, 68). Михайловскій почти дословно повторяетъ это сравненіе; по его словамъ, „великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ“ (II, 97). Въ другомъ мѣстѣ онъ съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ опредѣленіе Луи

Блана, считая его однимъ изъ самыхъ яркихъ и энергическихъ опредѣлений роли личности въ историческомъ процессѣ; согласно этому опредѣленію, „великіе люди управляютъ обществомъ только при помощи силы, которую получаютъ отъ него же. Они освѣщаютъ его, только сосредоточивая въ одномъ фокусѣ всѣ исходящія изъ него лучи“ (III, 17; Луи Бланъ, „Organisation du travail“, 201). Все это достаточно опредѣляетъ отношеніе Михайловскаго къ вопросу о значеніи личности въ социальномъ процессѣ; достаточно ясно, что и здѣсь Михайловскій стоитъ на вполне детерминистической точкѣ зрѣнія. Это самъ онъ особенно подчеркнул въ одной изъ своихъ первыхъ статей („Графъ Бисмаркъ“, 1871 г.), указывая, что возможность проявленія личности въ социальномъ процессѣ „вовсе не противорѣчитъ законосообразности исторіи“: объективные законы опредѣляютъ *порядокъ* историческаго движенія, субъективныя усилія вліяютъ на его *скорость* (VI, 102 и 108). Могутъ ли эти усилія вліять на *направленіе* движенія? Мы знаемъ, что Михайловскій желалъ бы дать на это утвердительный отвѣтъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ особомъ направленіи пути развитія Россіи; во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, необходимо бороться за то направленіе, которое считаешь вѣдущимъ къ идеалу; надо допускать его *возможность*, если еще не доказана вполне непреложно *необходимость* противоположнаго. А что было тѣмъ идеаломъ, который какъ далекій маякъ указывалъ Михайловскому вѣрное направленіе—это мы достаточно часто подчеркивали; этотъ идеалъ—индивидуалистическій и заключается въ благѣ реальной личности.

Таковы на нашъ взглядъ характернѣйшія черты субъективизма Михайловскаго. Объ его „субъективномъ методѣ“, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ, можно говорить только какъ о второстепенномъ недоразумѣніи широкой и цѣльной системы, но его „субъективизмъ“ является вполне опредѣленнымъ и гармоничнымъ мировоззрѣніемъ; этотъ субъективизмъ есть выдержанная индивидуалистическая точка зрѣнія реальной личности на всѣ явленія въ сферѣ практической жизни и въ области теоретическаго познанія. Точка зрѣнія эта объединяетъ въ одно стройное мировоззрѣніе всѣ взгляды Михайловскаго, разбросанные клочками на протяженіи болѣе 500 печатныхъ листовъ его произведеній; мы старались въ настоящей главѣ свести всѣ эти взгляды къ ихъ первоначальному основанію и показать, что субъективизмъ Михайловскаго есть въ сущности широкий и цѣльный индивидуализмъ. Въ этомъ отношеніи Михайловскій, будучи непосредственнымъ преемникомъ Бѣлинскаго, Герцена, а

отчасти и публицистовъ шестидесятихъ годовъ, занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи эволюціи индивидуализма на русской почвѣ; онъ первый далъ выдержанную и цѣльную индивидуалистическую систему, безотносительная цѣнность которой не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Намъ особенно хотѣлось бы еще разъ подчеркнуть тѣсную связь между Герценомъ и Михайловскимъ. Самъ Михайловскій какъ-то разъ замѣтилъ („Русское Богатство“, 1902 г.), что существуютъ писатели, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ являются въ нашемъ представленіи ассоціированными и тѣсно связанными по парно. Таковы, напримѣръ, Вольтеръ и Руссо, Л. Толстой и Достоевскій, Чеховъ и М. Горькій; намъ кажется, что одной изъ наиболее яркихъ и неразрывныхъ подобныхъ паръ являются Герценъ и Михайловскій. Параллельное изученіе ихъ міровоззрѣній представляетъ громадный интересъ, но оно отклонило бы насъ далеко въ сторону ¹⁾, почему мы и ограничимся только общимъ указаніемъ на тѣсную связь міровоззрѣній двухъ титановъ русскаго социализма. Индивидуализмъ обоихъ рѣзко бросается въ глаза, но не менѣе ясна и разница: мы видѣли, что исходной базой Герцена для его отрицательнаго отношенія къ западно-европейскимъ формамъ (къ „органическому типу“ развитія) является понятіе „мѣщанства“, изъ котораго родилось и народничество Герцена, какъ сугубо анти-мѣщанская идеологія, въ которой „личность“ необходимо занимала весьма высокое положеніе; мы видѣли также, что исходной базой Михайловскаго была реальная личность, почему и народничество его было широко-индивидуалистической идеологіей, слѣдствіемъ чего въ свою очередь было и вполне отрицательное отношеніе къ мѣщанству. Причины и слѣдствія здѣсь переставлены *mutatis mutandis*, но результаты одинаковы: „полярными“ путями Герценъ и Михайловскій пришли къ одной и той же конечной точкѣ. Но не надо забывать, что анти-мѣщанство одного и индивидуализмъ другого стоятъ на общей почвѣ признанія человѣческой личности „выше общества, выше челоѣчества“—и это роднитъ ихъ съ третьимъ величайшимъ русскимъ индивидуалистомъ, которому принадлежатъ эти слова, Бѣлинскимъ.

Михайловскаго называли „последнимъ народникомъ“—и онъ дѣйствительно былъ имъ. Догматическое и оптимистическое народ-

¹⁾ См. по этому вопросу статью „А. И. Герценъ и Н. К. Михайловскій“ въ нашей книгѣ „Литература и общественность“.

ничество Герцена приняло въ его системѣ видъ народничества критическаго и пессимистическаго, какъ мы это видѣли выше; дальше идти было некуда—и произошло разложеніе народничества: появилось народничество „Недѣли“, статьи П. Червинскаго), увѣрившія, что интеллигенція должна слѣдовать не только за интересами народа, но и за его мнѣніями; появились „почвенники“ въ родѣ Достоевскаго, приглашавшіе интеллигенцію „постоять въ сторонкѣ“ и подождать пока „мужикъ свое слово скажетъ“; появилось толстовство, это своеобразное вырожденіе народничества; появился, наконецъ, коранъ выродившагося народничества—безнадежныя по своей убогости „Основы народничества“ Юзова-Каблица (1893 г.). Кое-что изъ указаннаго выше явилось одновременно съ критическимъ народничествомъ, а кое-что даже и раньше его (напр., „почвенное“ ученіе), но для насъ здѣсь важна не хронологическая, а идеологическая точка зрѣнія, позволяющая признать всѣ эти теченія разложеніемъ и вырожденіемъ критическаго народничества. Въ слѣдующихъ главахъ мы еще остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ теченій, теперь же мы хотѣли только подчеркнуть, что если не хронологически, то генетически Михайловскій дѣйствительно былъ послѣднимъ народникомъ, причемъ народничество его сказало свое послѣднее слово приблизительно ко времени смерти „Отечественныхъ Записокъ“ (1884 г.). Дальнѣйшая его дѣятельность, особенно въ девяностыхъ годахъ, уже не является дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ началъ народничества; но во всякомъ случаѣ теперь же надо замѣтить, что, называя Михайловскаго „послѣднимъ народникомъ“, мы хотимъ подчеркнуть этимъ отнюдь не смерть русскаго социализма послѣ Михайловскаго, а только временную пріостановку его развитія въ теченіе двухъ десятилѣтій, послѣдовавшихъ за семидесятыми годами. И мы увидимъ, что въ началѣ XX вѣка „послѣдній народникъ“ семидесятыхъ годовъ и ветеранъ русскаго социализма подаль руку молодому поколѣнію, вновь соединившемуся подъ знаменемъ Герцена, Чернышевскаго, Лаврова и Михайловскаго.

Объ этомъ рѣчь впереди; но уже теперь мы хотѣли бы выяснитъ наше отношеніе къ тому широкому міровоззрѣнію, съ которымъ мы до нѣкоторой степени ознакомились на предыдущихъ страницахъ. Отказываемся ли мы отъ этого наслѣдства? принимаемъ ли его цѣликомъ?—эти вопросы выяснятся въ заключительной главѣ лежащей передъ читателемъ книги; но и теперь уже мы можемъ указать на нѣкоторыя неприемлемыя въ настоящее время стороны міровоззрѣнія Михайловскаго и главнымъ образомъ на одну основную

съ нашей точки зрѣнія его ошибку, близко касающуюся вопроса объ индивидуализмѣ.

Приступая къ такой „частичной“ критикѣ, нельзя не отмѣтить прежде всего скудость философскаго багажа Михайловскаго: критическая философія была для него „метафизикой“. Онъ былъ позитивистомъ, хотя и не ортодоксальнымъ ученикомъ Конта (объ этомъ см. статью „Суздалцы и суздальская критика“, 1870 г.); по выраженію одного своего критика, Михайловскій всю свою жизнь сидѣлъ въ клѣткѣ позитивизма и терзался тоской по цѣльной и глубокой системѣ двуединой правды (П. Струве). Отсутствіе критической теоріи познанія неизбѣжно приводило Михайловскаго къ невозможности рѣшенія наиболѣе жгучихъ и важныхъ вопросовъ; мы видѣли это на критикѣ теоріи утилитаризма: самъ Михайловскій призналъ ея слабость, но онъ не могъ ничего внести отъ себя въ эту область, такъ какъ основные вопросы этики тѣсно связаны съ предварительнымъ рѣшеніемъ проблемъ гносеологіи, а послѣдней какъ-разъ и не хватало Михайловскому. Онъ пытался иногда пополнить этотъ пробѣлъ; такъ, напримѣръ, въ „Письмахъ о правдѣ и неправдѣ“ онъ даетъ краткое изложеніе своей теоріи познанія, считая ее основой всякаго міровоззрѣнія. „...Прежде всего мы должны выяснить, какія границы положены нашему уму природой—заявляетъ онъ:—въ этомъ именно состоитъ то, что обыкновенно называется теоріей познанія“ (IV, 460). Конечно, такое опредѣленіе теоріи познанія чрезвычайно узко и отдастъ позитивизмомъ, но независимо отъ этого интересно посмотрѣть, каковы, по Михайловскому, основныя положенія такой теоріи познанія. Вотъ они: „человѣку доступна только относительная Правда... животное съ иною организаціей должно понимать вещи иначе.... человѣкъ добываетъ элементы Правды при помощи пяти чувствъ“, а будь у него ихъ больше или меньше, „Правда представлялась бы ему совсѣмъ иначе“... (Ibid.). Какъ видимъ, это все тотъ же субъективизмъ, съ другими сторонами котораго мы уже познакомились выше, но, конечно, это еще не гносеологія; Михайловскій напрасно рассчитывалъ въ этомъ случаѣ опереться на Канта, нѣкоторые теоретико-познавательные выводы котораго онъ излагаетъ въ перефразировкѣ окулистомъ Добровольскимъ психофизиологическихъ взглядовъ Гельмгольца! (см. III, 342—347). А между тѣмъ только съ помощью гносеологіи могъ бы онъ правильно поставить (не говоримъ уже—разрѣшить) тѣ вопросы, которые были основными въ его міровоззрѣніи, напримѣръ, вопросъ о Правдѣ, правдѣ-истинѣ и правдѣ-

справедливости. Что есть истина? Михайловскій видѣлъ неизбежность постановки этого вопроса и искалъ критерія истины, но со своимъ субъективизмомъ могъ придти только къ весьма скудному выводу—къ признанію относительности истины. Онъ отождествляетъ „истину“ съ „удовлетвореніемъ познавательной способности человѣка“ (III, 349), а такое опредѣленіе тождественно съ признаніемъ относительности истины, что Михайловскій и указываетъ безъ обиняковъ: понятія, истинныя раньше, становятся ложными впоследствии; они „были истинны, потому что удовлетворяли (познавательную способность человѣка), а теперь ложны, потому что не удовлетворяютъ“ (III, 352). Для *такихъ* истинъ критерій Михайловскаго вполне уместенъ, но самъ онъ прекрасно понималъ, что есть еще и другая истина, та самая, о которой онъ говорилъ, „истина, если она остается истиной, конечно, все равно какъ вино, отъ старости только крѣпчаетъ“ („Литература и жизнь“, „Русское Богатство“ 1896 г., № 2). Итакъ, есть истина неостающаяся истиной и истина остающаяся таковой, истина субъективная и объективная, относительная и абсолютная (самъ Михайловскій замѣчаетъ, что относительная Правда для *человѣка* все-таки безусловна, см. IV, 461); но для этой объективной, безусловной истины Михайловскій не далъ и не могъ дать критерія, единственный путь для отысканія котораго указываетъ только критическая философія. Вслѣдствіе этого и его ученіе о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости виситъ въ воздухѣ между зенитомъ и надиромъ, какъ гробъ Магомета, ибо обоснованіе правдѣ-истинѣ даетъ гносеологія, а правдѣ-справедливости—этика, причемъ и та и другая имѣютъ корни въ основоположеніяхъ критической философіи; не имѣя этой точки опоры, ученіе Михайловскаго повисло въ пустомъ пространствѣ, несмотря на значительную долю заключенной въ немъ истины—и истины объективной. Но съ другой стороны, благодаря признанію относительности истины, Михайловскій могъ обойти трудную задачу примиренія категорій необходимости и справедливости, законности и свободы: эта величайшая метафизическая проблема обратилась у него въ практическую задачу, разрѣшимую безъ особенныхъ усилій. А именно: „истина“—это детерминизмъ и законосообразность историческаго процесса, „справедливость“—нашъ общественный идеалъ; „истина“ очень рѣдко бываетъ одна—на то она и относительна, а въ „проклятыхъ вопросахъ“ всегда борются нѣсколько истинъ (оттого эти вопросы и „прокляты“); „справедливость“ же для насъ можетъ быть только одна. Поэтому надо всегда изъ двухъ истинъ

выбирать ту, которая больше подходит къ нашему идеалу справедливости; конечно, если истина абсолютна, то она одна, и выбирать больше не изъ чего. Но въ томъ-то и дѣло, что главная трудность вопроса лежитъ въ примиреніи абсолютной истины съ идеалами справедливости; Михайловскій не рѣшалъ, а обходилъ этотъ вопросъ. Когда идеалъ совпадаетъ съ закономѣрностью, то правда-справедливость совпадаетъ съ правдой-истиной; чтобы устроить такое совпаденіе, Михайловскій произвольно расширялъ предѣлы правды-истины признаніемъ ея относительности: онъ выбиралъ подходящую ему изъ истинъ, смѣшивая это съ признаніемъ категоріи возможности и принципа свободы воли. Коротко говоря, ошибка Михайловскаго заключается по существу въ примѣненіи различныхъ масштабовъ къ категоріямъ необходимости и справедливости: правду-истину онъ мѣрилъ масштабомъ относительности, правду же справедливости считалъ абсолютной величиной. Между тѣмъ проблема эта гораздо труднѣе, чѣмъ казалось Михайловскому: какъ примирить правду-истину и правду-справедливость, когда обѣ онѣ — абсолютны? А такого примиренія настойчиво требуетъ человѣческое сознаніе; безъ примиренія этого ни одна философская система, ни одна социологическая теорія не могутъ считаться жизнеспособными. Мы увидимъ, что ортодоксальный марксизмъ девяностыхъ годовъ впасть въ діаметрально противоположную ошибку, считая правду-истину единой и абсолютной и совершенно отвергая неизбежность синтеза ея съ правдой-справедливостью, какъ съ правдой относительной и субъективной; быть можетъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе этой односторонности теоріи девяностыхъ годовъ такъ скоро обмелѣли и разложились.

Такова, съ нашей точки зрѣнія, главная ошибка Михайловскаго, фатальный, неустранимый недостатокъ всего его міровоззрѣнія и міровоздѣйствія. Все громадное и стройное зданіе этого міровоззрѣнія стоитъ на неглубокомъ фундаментѣ позитивизма, оно построено на пескѣ; подвести подъ все это зданіе фундаментъ критической философіи — значитъ укрѣпить все зданіе и разрушить только незначительныя его надстройки. Повторяемъ еще разъ, что мы признаемъ и критическое народничество и субъективизмъ Михайловскаго въ высшей степени цѣнными и оригинальными построеніями русской мысли; и народничество и субъективизмъ мы считаемъ одними изъ самыхъ замѣчательныхъ и жизненныхъ міровоззрѣній, выработанныхъ русской интеллигенціей. Повторяемъ еще разъ также, что мы не боимся упрека въ пристрастіи къ народни-

честву: роль стараго народничества сыграна, и мы никого не зовемъ „назадъ къ Михайловскому“ или „назадъ къ Герцену!“; но это не мѣшаетъ намъ признавать какъ въ народничествѣ Герцена, такъ и въ субъективизмѣ Михайловскаго цѣнное, жизненное зерно, способное дать плодъ и въ настоящее время. Въ чемъ заключается это цѣнное въ воззрѣніяхъ Михайловскаго—мы подчеркивали при разборѣ его системы и еще разъ выдѣлимъ въ резюмирующей, заключительной главѣ; но такое признаніе не мѣшаетъ, съ другой стороны, вѣрно оцѣнить и ошибки этой системы. Кардинальная ошибка — недостаточно глубокая философская обосновка всей этой цѣльной и гармоничной системы индивидуализма.

Эта глубокая философская обосновка была для Михайловскаго „метафизикой“, которой онъ чурался всю свою жизнь. Иначе и быть не могло: надо имѣть въ виду прежде всего, въ какую эпоху слагались взгляды Михайловскаго, а во-вторыхъ, надо помнить, что онъ понималъ подъ „метафизикой“. Первую свою статью Михайловскій напечаталъ въ 1860 г., а передъ широкой публикой дебютировалъ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, такъ что міровоззрѣніе его сформировалось въ шестидесятыхъ годахъ, подъ влияніемъ рѣзко-позитивнаго направленія Чернышевскаго, Писарева, Лаврова; однако, какъ мы уже замѣтили, несмотря на это, Михайловскій отнюдь не былъ ортодоксальнымъ позитивистомъ (см. его „Суздальцы и суздальская критика“). Это не мѣшало ему вполне отрицательно относиться къ метафизикѣ, которая была для него съ одной стороны чѣмъ-то въ родѣ жупела, а съ другой стороны—врагомъ его индивидуализма: съ одной стороны, „метафизика“—это нѣчто туманное, безформенное, непонятное, пумиха словъ, не имѣющихъ реального значенія,

Was in des Menschen Hirn nicht passt;
Für was drein geht und nicht drein geht,
Ein prächtig Wort zu Diensten steht;

съ другой стороны, метафизика—это высшая специализація, убивающая личность человѣка и превращающая его въ небольшой комокъ мозга, уродливо развитого. Метафизика есть результатъ сложной операціи, общественнаго раздѣленія труда; метафизика—плодъ эксцентрическаго періода, а потому она является синонимомъ всего анти-индивидуалистичнаго (I, 103, 107, 153, 199, 954; ср. VI, 40—44; 239—243; 830—831 и др.); вслѣдствіе этого метафизика явно служитъ буржуазіи (III, 62—3), она настолько же анти-

индивидуалистична, какъ и теорія *laissez faire* (а по мнѣнiю, существовавшему до Михайловскаго — ультра-индивидуалистична, см. III, 35—36, 53). Намъ нѣтъ необходимости подробно разбирать, въ чемъ ошибка Михайловскаго, такъ какъ она слишкомъ очевидна: въ основѣ его отрицательнаго отношенiя къ метафизикѣ лежитъ догматическое предположенiе ея кореннаго расхожденiя съ жизнью. Излишне было бы указывать на полную ошибочность такого положенiя, но достаточно указать, что или заодно съ метафизикой должно считать такой же анти-индивидуалистичной и чистую науку, или, подобно наукѣ, метафизика также можетъ и должна служить жизни. Или—или: средняго третьяго термина здѣсь быть не можетъ; для насъ слишкомъ очевидно, что въ этомъ отношенiи между наукой и метафизикой нѣтъ ни малѣйшей разницы, что и та и другая одинаково должны и могутъ служить жизни и человѣку; профанъ, этотъ „человѣкъ по преимуществу“, этотъ „свѣдущiй работникъ“ имѣетъ только право требовать, чтобы и метафизика, подобно наукѣ, помнила, что хотя вершина ея уходитъ въ небо, но корни ея — въ землѣ и подъ землей, что исходитъ она отъ реальной личности и не должна порывать связи съ нею.

Мы слегка коснулись главной ошибки Михайловскаго и основныхъ причинъ этой ошибки; въ ближайшей связи со всѣмъ этимъ стоитъ его вторая коренная ошибка, имѣющая для насъ особенное значенiе и интересъ, и которая была уже отмѣчена нами еще во Введенiи. Мы говоримъ о пониманiи Михайловскимъ термина „индивидуальность“. Дѣйствительно, что такое реальная личность? что такое индивидъ, индивидуальность? Михайловскiй рѣшалъ эти вопросы исключительно съ биологической точки зрѣнiя, между тѣмъ какъ при этомъ рѣшенiи необходимо опираться также и главнымъ образомъ на гносеологiю; только изрѣдка онъ мелькомъ заглядывалъ и въ эту область, желая доказать, напримѣръ, что „содержанiе нашего я есть всегда исключительно эмпирическое“ (I, 113). Уже въ статьѣ „Что такое прогрессъ?“ Михайловскiй слегка затронулъ вопросъ объ индивидуальности (I, 88—89), а годъ спустя посвятилъ этому вопросу особую статью „Органъ, недѣлимое, общество“ („Отечеств. Зап.“ 1870 г., № 12; также II, 326—358). „Что такое индивидуальность, индивидъ, недѣлимое? — спрашиваетъ онъ въ этой послѣдней статьѣ (II, 326), и подробно мотивируетъ отвѣтъ, данный еще въ первой работѣ; индивидуальность можно понимать въ двухъ различныхъ смыслахъ, говоритъ онъ: „чаще всего подъ индивидуальностью разумѣютъ совокупность чертъ, рѣзко выдвиги-

гающих известную личность из среды окружающих ее людей. Индивидуальный значитъ здѣсь личный, особенный. Мы будемъ употреблять это выраженіе совершенно иначе, именно будемъ разумѣть подъ индивидуальностью человѣка совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*“ (I, 88—89). Отсюда не трудно видѣть, что Михайловскій обращаетъ свое главное вниманіе на *широту* человѣческой личности, на гармоничное отправленіе *всѣхъ* ея функций; это все тотъ же индивидуалистическій критерій, который въ свое время выдвигался впередъ Герценомъ. Михайловскій увлекается идеаломъ „цѣлостной личности“, „въ которой умственная и физическая стороны находились (бы) во взаимной гармоніи“ (I, 34; ср. VI, 27; I, 167 и др.). Въ этой цѣлости и гармоничности заключается все счастье человѣка—это Михайловскій, какъ мы знаемъ, доказывалъ въ статьѣ „Что такое счастье?“ (см. особенно III, 189 и ср. I, 111: „мы полагаемъ, что счастье заключается въ индивидуальной цѣлостности“); и справедливость и истина лежатъ въ этихъ же предѣлахъ индивидуальной цѣлостности (I, 109). Итакъ, для Михайловскаго индивидуализмъ опредѣляется главнымъ образомъ *широтой*; отсюда понятно и его вполне отрицательное отношеніе къ раздѣленію труда, къ спеціализаціи, какъ къ фактору суживающему личность.

Но вотъ въ чемъ вопросъ: дѣйствительно ли это опредѣленіе индивидуальности такъ рѣзко противорѣчитъ другому, отрицаемому Михайловскимъ? Это другое опредѣленіе считаетъ индивидуальностью совокупность особыхъ свойствъ личности. Михайловскій полагалъ, что два эти опредѣленія диаметрально-противоположны, ибо „въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о личности, какъ о цѣломъ, о совокупности органовъ и отправленій, свойственныхъ виду *homo sapiens* въ данный историческій моментъ; во второмъ же имѣются въ виду индивидуальныя варьяціи типа, тѣ черты, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другихъ. Обѣ эти точки зрѣнія имѣютъ свой *raison d'être*, но разница между ними столь велика, что отвѣчать на вопросы, возникающіе на почвѣ первой, аргументами, почерпнутыми изъ района второй—не представляется никакой логической возможности“ („Литература и жизнь“; „Русское Богатство“ 1897 г., № 5). Это же Михайловскій говорилъ и четверть вѣка ранѣе, указывая, что „индивидуальность есть... одно изъ понятій, допускающихъ различныя каламбуры“ и что невозможно согласовать два указанныхъ выше опредѣленія индивидуальности; „удивительно—прибавляетъ онъ далѣе,—какимъ образомъ Гумбольдтъ и Миль находятъ возмож-

нымъ достигнуть гармоническаго развитія *всѣхъ* силъ и способностей человѣка въ *одно* цѣлое посредствомъ размѣщенія этихъ силъ по *множеству* индивидовъ“ (I, 269—270).

А между тѣмъ это вовсе не удивительно, и въ данномъ случаѣ Михайловскій правъ только формально и неправъ по существу. Дѣйствительно, оба указанные опредѣленія индивидуальности различны, но не противоположны, и Михайловскій нигдѣ не доказалъ, что наличность индивидуальныхъ варьяцій *необходимо должна* отрицательно повліять на совокупность всѣхъ другихъ функцій человѣка: это догматическое, недоказанное положеніе; что она *можетъ* такъ повліять—это другой вопросъ. Одно опредѣленіе индивидуальности требуетъ отъ нея *широты*, другое требуетъ *глубины*—это видѣлъ самъ Михайловскій (см. указанную выше статью въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1897 г., № 5), но онъ полагалъ, что, выигрывая въ глубинѣ, мы неизбежно проигрываемъ въ широтѣ и наоборотъ, а потому и выбиралъ изъ двухъ золъ меньшее; онъ предпочиталъ высокій типъ развитія, т.-е. широту, высокой степени развитія, т.-е. глубинѣ. А между тѣмъ между широтой и глубиной личности не только нѣтъ логической непримиримости, но даже существуетъ и должна существовать необходимая связь; самый индивидуализмъ есть совокупность широты и глубины въ личности. Какъ это возможно? На этотъ вопросъ уже отвѣтилъ Герценъ—мы видѣли какъ; но что интереснѣе всего—самъ Михайловскій *implicite* далъ вполне вѣрный отвѣтъ, нимало того не подозревая. Дѣйствительно, что такое профанъ? Это „человѣкъ по преимуществу“ и въ то же время „свѣдущій работникъ“, который хотя и „приспособился къ известной спеціальной профессіи“ (а слѣдовательно и разрабатываетъ ее въ глубину, одновременно развиваясь въ глубину и самъ), но который одновременно съ этимъ широкъ и гармониченъ, которому ничто человѣческое не чуждо (III, 423). Однимъ словомъ, развитіе личности въ глубину вполне законно, разъ только не отброшенъ въ сторону критерій широты; и самъ Михайловскій въ другомъ мѣстѣ выражаетъ эту мысль почти буквально этими же словами: „имѣйте только въ виду,—говоритъ онъ,—что благо человѣка есть его цѣлостность, гармонія отправленій...; имѣйте это въ виду и беритесь за какую угодно работу“... (I, 109). Такимъ образомъ самъ Михайловскій, не сознавая того, вскрылъ коренную ошибку своего міровоззрѣнія—убѣжденіе въ *обратной пропорціональности широты и глубины* *человѣческой индивидуальности*: впасть же въ эту ошибку онъ могъ только вслѣдствіе недостаточной философской обосновки

какъ всѣхъ своихъ взглядовъ, такъ и своего опредѣленія индивидуальности. Мы увидимъ, что въ девяностыхъ годахъ ортодоксальный марксизмъ впалъ въ діаметрально-противоположную ошибку, признавая главное значеніе только за глубиной и совершенно игнорируя широту личности; истина, какъ это часто бываетъ, лежала посрединѣ этихъ двухъ крайностей.

Но разъ это такъ, разъ широта не есть единственное требованіе индивидуальности, разъ возможно соединить гармоничное развитіе всѣхъ функцій человѣческой дѣятельности съ особеннымъ развитіемъ одной или нѣсколькихъ изъ нихъ, разъ все это такъ, то цѣлый рядъ взглядовъ Михайловскаго оказывается висящимъ въ воздухѣ, и прежде всего—его взгляды на раздѣленіе труда, а значить и его теорія прогресса. Сложная кооперація вовсе не необходимо ведетъ къ подавленію личности, хотя и можетъ повести къ нему: борьбу надо вести не противъ принципа раздѣленія труда, а противъ злоупотребленій этимъ принципомъ; другими словами, вопросъ о раздѣленіи труда надо поставить какъ-разъ обратно способу его постановки Чернышевскимъ, о которомъ у насъ шла рѣчь въ I-ой главѣ. (Кстати замѣтить, что Михайловскій не различалъ общественнаго, экономическаго и техническаго раздѣленія труда; о послѣднемъ см. только VI, 410 и указанную выше статью въ № 5 „Русскаго Богатства“ за 1897 г.). Общественное раздѣленіе труда казалось Михайловскому „возмутительнымъ и несправедливымъ“ потому, что при немъ „рабочій только работаетъ, земледѣлецъ только землю пашетъ, мыслитель только мыслить“ и т. д. (VI, 410); однимъ словомъ, человѣкъ превращается въ „палецъ отъ ноги“ общества и послѣднее развивается по органическому типу. Гдѣ Михайловскій видѣлъ такое общество? Развѣ не было передъ его глазами яснаго примѣра хотя бы Германіи (чтобы не говорить о Россіи, развивающейся, якобы, по „надъ-органическому“ типу), въ которой рабочій не только работаетъ, но и борется за свою индивидуальность, за свои права, за знаменитое требованіе „трехъ восьмерокъ“ (8 ч. сна, 8 ч. работы, 8 ч. отдыха), который, слѣдовательно, мыслить и жить въ широкой жизни политической борьбы. Если же и въ Германіи до сихъ поръ возможенъ рабочій день въ 12—13 часовъ, то отсюда слѣдуетъ необходимость бороться съ этой ненормальностью, съ этимъ подавленіемъ личности, что и дѣлаетъ передовая часть нѣмецкой интеллигенціи; рѣшеніе же Михайловскаго („долой общественное и экономическое раздѣленіе труда!“) не рѣшаетъ вопросъ, а только обходитъ его практически: теоретическое же рѣшеніе также невѣрно

по указаннымъ выше причинамъ. Мы считаемъ общественное раздѣленіе труда, вполнѣ несогласно съ Михайловскимъ, величайшимъ факторомъ, способствующимъ углубленію человѣческой личности ad majorem gloriam индивидуализма; во имя индивидуализма и блага реальной личности мы считаемъ необходимой борьбу не съ принципомъ общественнаго раздѣленія труда, а съ узкимъ, несправедливымъ и возмутительнымъ примѣненіемъ этого принципа.

Отсюда ясно, что формула прогресса Михайловскаго является для насъ неприемлемой во всей своей полнотѣ. Было время, когда П. Лавровъ, возражая Михайловскому на его формулу прогресса, удивлялся, что послѣдній, одинъ изъ основателей субъективизма, даетъ объективную формулу прогресса, даетъ даже объективныя нормы для нравственности и справедливости („Отечественныя Записки“, 1870 г. № 2; П. Лавровъ, „Формула прогресса г. Михайловскаго“, стр. 232). Теперь мы не можемъ принять формулу Михайловскаго по противоположной причинѣ, а именно потому, что формула эта представляетъ субъективную норму практической дѣятельности, а не дѣйствительный законъ прогресса; болѣе того, мы не можемъ принять ее во всей ея полнотѣ даже какъ субъективную норму. Мы принимаемъ ту ея часть, которая устанавливаетъ необходимость широты индивидуума (прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами“ ...), и отрицаемъ ту часть, которая ставитъ преграду углубленію индивидуальности („...и къ возможно меньшему раздѣленію труда между людьми“). Согласно сказанному выше, мы не видимъ неизбѣжной связи между раздѣленіемъ труда и отсутствіемъ цѣлостности у индивидовъ, не видимъ обратной пропорціональности между широтой и глубиной личности; прогрессомъ мы считаемъ постепенный ростъ индивидуальности въ широту и глубину, т.-е. одновременное стремленіе къ гармоническому отправленію всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ функцій и къ наибольшему общественному раздѣленію труда. Это опредѣленіе также является субъективной нормой, но оно вполнѣ совпадаетъ и съ объективнымъ закономъ; въ то же время оно индивидуалистичнѣе формулы Михайловскаго, такъ какъ шире и глубже смотритъ на человѣческую личность.

Послѣ всего этого ясно, что разница между эволюціей и прогрессомъ, органическимъ и надъ-органическимъ типами развитія является вполнѣ миѳической: особаго надъ-органическаго пути развитія нѣтъ и быть не можетъ, а „органической“ путь развитія да-

леко не такъ страшень, какъ его рисоваль Михайловскій. Раздѣленіе труда можетъ, но не должно (müssen) обратить челоуѣка въ „палець отъ ноги“ общества, и бороться надо только съ этой возможностью, а не съ самимъ принципомъ; уничтожить же общественное раздѣленіе труда, т.-е. повести общество по „надъ-органическому“ пути, къ счастью, невозможно: къ счастью, потому что это раздѣленіе является громаднымъ шагомъ впередъ ко благу реальной личности, а не абстрактнаго челоуѣка, громаднымъ шагомъ впередъ по пути индивидуализма. Борьба съ принципомъ общественнаго раздѣленія труда есть съ одной стороны вполне безнадежная попытка, пробиваніе стѣны лбомъ, а съ другой стороны она является выплескиваніемъ изъ ванны ребенка вмѣстѣ съ грязной водой: мы уже отмѣтили, что борьба должна вестись не противъ самого принципа, глубоко индивидуалистичнаго и прогрессивнаго по существу, а противъ примѣненій этого принципа, несправедливыхъ и возмутительныхъ. „Органическій“ путь развитія тутъ ни при чемъ. Къ тому же, самая эта терминологія является весьма мало удачной и сложившейся, какъ мы указывали, подъ вліяніемъ органической теоріи; въ дѣйствительности нѣтъ ни органическаго, ни надъ-органическаго типа развитія, а есть только одинъ „соціологическій“ типъ и путь. Кстати замѣтить, теорія „типовъ“ и „степеней“ развитія послѣ всего сказаннаго выше получаетъ совершенно иную окраску, чѣмъ у Михайловскаго: не трудно видѣть, что „типъ“ и „степень“ развитія вполне соотвѣтствуютъ тому, что мы выше называли широтой и глубиной развитія индивидуальности; разъ мы признаемъ возможность одновременнаго развитія по широтѣ и глубинѣ, то этимъ самымъ сводится на нѣтъ обратная пропорціональность между типомъ и степенью, предполагавшаяся Михайловскимъ. Могутъ быть случаи, когда развитіе по степени отрицательно отражается на типѣ развитія, но опять-таки и здѣсь надо бороться съ примѣненіемъ принципа, а не съ самимъ принципомъ. Основной принципъ Михайловскаго, по которому общественное раздѣленіе труда діаметрально противоположно раздѣленію труда физиологическому, вѣренъ только въ частныхъ случаяхъ, но далеко не является всеобщимъ; физиологическое раздѣленіе труда (широта) и общественное раздѣленіе труда (глубина) отнюдь не противорѣчатъ другъ другу такъ непреложно, какъ это полагалъ Михайловскій. Но если даже временно устранить изъ разсмотрѣнія вопросъ о глубинѣ, а разсматривать только широту индивида, то и тогда степень и типъ развитія немного принесутъ намъ пользы. Мы знаемъ, на примѣръ, что, согласно Михай-

ловскому, гермафродитъ (напр., асциди) по типу развитія выше человѣка; здѣсь несомнѣнное недоразумѣніе. „Типъ“ подобно „индивидуальности“, по Михайловскому, есть *сумма* отдѣльныхъ, опредѣленныхъ свойствъ и чертъ, а не *одно* какое-нибудь изъ нихъ; по-этому, утверждая, что асциди выше человѣка по типу развитія, надо доказать, что во всѣхъ свойствахъ, кромѣ гермафродитизма, асциди и человѣкъ равны; тогда дѣйствительно асциди выше по типу развитія, такъ какъ $a + b + c + \dots + 2x > a + b + c + \dots + x$ (ибо типъ выражается суммой свойствъ). Но очевидно, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть этого равенства свойствъ $a = a$, $b = b$ и т. д., а слѣдовательно выраженіе „выше по типу развитія“ вполнѣ невѣрно въ общемъ смыслѣ и должно всегда сопровождаться оговоркой, указаніемъ на то свойство, къ которому относится терминъ „выше“. Такъ, напримѣръ, асциди выше человѣка по типу развитія исключительно въ области половой жизни, да и то „выше“ въ весьма условномъ смыслѣ; другими словами—*одно* свойство асцидій выше *одного* свойства человѣка; послѣ такой оговорки вся теорія типовъ, какъ суммы свойствъ, сходитъ на нѣтъ. Область этого одного свойства можетъ быть весьма велика, но это замѣчаніе не спасаетъ всей теоріи. Другой примѣръ: мужикъ по типу развитія выше интеллигента (вспомнимъ знаменитое сравненіе крестьянскаго мальчика Ѳедьки съ Фаустомъ); чтобы доказать это, Михайловскій высаживаетъ на необитаемый островъ интеллигента и мужика, причемъ послѣдній оказывается болѣе приспособленнымъ. Невольно вспоминается сказка Салтыкова о томъ, какъ мужикъ на необитаемомъ островѣ двухъ генераловъ прокормилъ,—но вѣдь щедринскіе генералы отнюдь не принадлежали къ интеллигенціи, а были только дѣйствительными статскими совѣтниками; во-вторыхъ же, Михайловскій самъ указываетъ, что на необитаемомъ островѣ и мужику безъ интеллигента и интеллигенту безъ мужика было бы плохо (III, 416): необходимо соединеніе умственнаго и физическаго труда.

Но все это мелочи; достаточно возвратиться къ положенію, что степень и типъ, глубина и широта, общественное и физиологическое раздѣленіе труда вполнѣ совмѣстимы другъ съ другомъ. А разъ это такъ, то совершенно видоизмѣняется и обликъ теоріи борьбы за индивидуальность. Мы показали выше, что, согласно Михайловскому, борьба за индивидуальность между личностью и обществомъ можетъ имѣть мѣсто только при органическомъ типѣ развитія общества, т. е. при господствѣ общественнаго раздѣленія труда, которое превращаетъ человѣка въ „палецъ отъ ноги“ подавляющаго его общества:

тогда человекъ борется за свою индивидуальность, также какъ общество за свою, ибо процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности (личности и общества) необходимо враждебны другъ другу (I, 504). Но только-что мы указали на необоснованность отрицательнаго отношенія Михайловскаго къ принципу общественнаго раздѣленія труда, на миѳичность „органическаго“ пути развитія; отсюда слѣдуетъ, что и диаметрально противоположность интересовъ личности и общества не соответствуетъ дѣйствительности. И личность, и общество (какъ комплексъ личностей) заинтересованы въ равной мѣрѣ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда, такъ какъ оно знаменуетъ собою возможность глубины для личности и широты для общества. Вполнѣ противоположно Михайловскому мы признаемъ, что между широтой и глубиной индивидуальности существуетъ не обратная, а прямая пропорціональность, ярко характеризующая собою индивидуализмъ. Чѣмъ глубже становится личность, тѣмъ ярче она выражается, тѣмъ богаче качественно ея содержаніе; ей остается только вмѣстить въ себя и всю громадную количественно широту этого содержанія. Это „только“ и есть камень преткновенія, но и Герценъ и самъ Михайловскій указали, какъ обойти его—мы это уже видѣли выше: дилетантъ и профанъ должны быть одновременно и „свѣдущими работниками“ и „людьми по преимуществу“, т.-е. совмѣщать въ себѣ и глубину и широту. Конечно, на ряду съ ними вѣчно будутъ существовать узкіе спеціалисты, жрецы и ремесленники науки и искусства; но всѣ они не что иное какъ жертвы вечерня, обреченныя собственной волей на закланіе въ пользу насъ, профановъ. Имъ не приходится бороться за свою индивидуальность съ обществомъ, такъ какъ они вполнѣ удовлетворены своей глубиной, находятъ въ ней неисчерпаемый родникъ наслажденій и съ высоты своего узкаго величія смотрятъ на жизнь, на людей, на человечество—и да благо имъ будетъ! Но и профанамъ не приходится бороться за свою индивидуальность, такъ какъ профаны суть люди, совмѣщающіе глубину личности съ ея широтой, а эти же интересы лежатъ и въ стремленіяхъ общества. Борьба за индивидуальность есть не только метафора, какъ предполагалъ Михайловскій, но и совершенный миѳъ, такъ какъ нельзя назвать борьбой то взаимодействіе, которое происходитъ между личностью и обществомъ. Личность и общество непрерывно взаимно реагируютъ; вся исторія человечества есть не что иное, какъ взаимное треніе между обществомъ и личностью, по выраженію Вл. Соловьева; но отсюда до борьбы личности съ обще-

ствомъ (борьбы въ смыслѣ Михайловскаго) какъ до звѣзды небесной далеко. Теорія борьбы за индивидуальность строго логически должна привести къ ультра-индивидуализму, къ своеобразному теоретическому анархизму, и въ этомъ анархизмѣ многіе обвиняли Михайловскаго—и реакціонеры изъ катковскихъ газетъ и социаль-демократы изъ марксистскихъ журналовъ; обвиненіе, конечно, неосновательное. Несмотря на свою теорію борьбы за индивидуальность Михайловскій былъ, какъ мы уже знаемъ, яркимъ общественникомъ; онъ понималъ, что реальная личность всѣмъ обязана обществу, что ультра-индивидуализмъ самъ себѣ роетъ яму, что личность оторванная отъ общества обречена на гибель; такимъ образомъ Михайловскаго скорѣе можно упрекать въ недостаточной послѣдовательности, чѣмъ въ теоретическомъ анархизмѣ, къ слову сказать, строго имъ осужденномъ.

Итакъ, мы не можемъ принять то полное и изящное рѣшеніе проблемы индивидуализма, которое съ такой силой выставилъ впередъ Михайловскій; причину этого мы старались выяснитъ выше. *Индивидуализмъ Михайловскаго былъ одностороннимъ, требующимъ отъ личности только широты и игнорирующимъ ея глубину*; такой индивидуализмъ не могъ быть окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Мы не менѣе сильно, чѣмъ Михайловскій, настаиваемъ на требованіи широты личности, но примѣненіе одного этого требованія привело бы къ общей безцвѣтной и тоскливой эгалитарности, т.-е. къ тому самому мѣщанству, которое такъ ненавидѣлъ Михайловскій; поэтому мы требуемъ еще и глубины личности, индивидуальныхъ варіацій, которыми только и красна жизнь. Михайловскій желалъ изъ двухъ золь выбрать меньшее и пожертвовать глубиной широтѣ. Дѣйствительно, это меньшее изъ золь, такъ какъ ужъ *если* необходимъ выборъ, то, очевидно, лучше широкое пользованіе всѣми физическими и умственными функціями, чѣмъ самоумерщвленіе въ глубинахъ спеціализаціи, лучше быть дилетантомъ, чѣмъ буддистомъ; но въ данномъ случаѣ никакое „если“ не имѣетъ мѣста, ибо, какъ мы уже указали, мнѣніе, что глубина и широта находятся въ обратно пропорціональной зависимости, было фатальной и основной ошибкой Михайловскаго. Отстаивая широту личности, онъ неизмѣнно испытывалъ „*rauoq profundi*“ (боязнь глубины) — это было его постоянной и неизлѣчимой болѣзнью...

Это намъ все объясняетъ въ его изящномъ и гармоническомъ міровоззрѣніи—и его отношеніе къ „метафизикѣ“, и его полнѣйшее равнодушіе къ Правдѣ-красотѣ (объ этомъ мы еще будемъ имѣть

случай говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ), и совершенное отсутствіе гносеологическаго фундамента во всѣхъ его построеніяхъ; но все это, съ другой стороны, нисколько не мѣшаетъ намъ признавать громадное значеніе за этимъ замѣчательно широкимъ міровозрѣніемъ, блестяще разрѣшившимъ въ одинъ гармоническій аккордъ всѣ диссонансы анти-индивидуализма и индивидуализма эпохи шестидесятихъ годовъ. Многія изъ положеній Михайловскаго непріемлемы въ настоящее время—мы это уже отчасти видѣли, многія требуютъ переработки и обоснованія, многія же и до сихъ поръ сохранили свою цѣнность; во всякомъ случаѣ весь XIX-ый вѣкъ не далъ болѣе цѣннаго и цѣннаго рѣшенія проблемы соціологическаго индивидуализма, чѣмъ то, съ которымъ мы встрѣтились у Михайловскаго. Если это рѣшеніе и не удовлетворяетъ насъ, то оно даетъ богатый матеріалъ для критическаго изслѣдованія индивидуалистической проблемы и показываетъ, какимъ широкимъ индивидуалистомъ былъ этотъ замѣчательный наслѣдникъ Бѣлинскаго и Герцена. Это три неразъединимыхъ имени. Въ области живого творчества, въ царствѣ яркой поэзіи мы видѣли великій триумvirатъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, видѣли ясный и гармоническій индивидуализмъ Пушкина, рѣзкое анти-мѣщанство Гоголя, неистовый индивидуализмъ Лермонтова. Въ сферѣ критической мысли, въ области созиданія міровозрѣній мы имѣемъ такой же триумvirатъ, развивавшійся въ обратномъ порядкѣ; передъ нами проходитъ „неистовый Виссаріонъ“, со своимъ неистовымъ индивидуализмомъ третьяго періода жизни, далѣе Герценъ, проклинающій мѣщанство во всѣхъ его проявленіяхъ, и наконецъ Михайловскій, со своимъ яснымъ, стройнымъ и гармоническимъ индивидуализмомъ. Критическая мысль прошла въ обратномъ порядкѣ всѣ фазисы индивидуализма и безпредѣльно расширила его горизонты. Идти далѣе въ ширь было некуда, и русская мысль только послѣ четвертьвѣкового промежутка стала въ началѣ XX-го вѣка идти въ глубь индивидуализма; восьмидесятыя и девяностыя годы въ этомъ отношеніи бесплодно стояли на одномъ мѣстѣ и даже нѣсколько отодвинулись назадъ. Но движеніе назадъ часто выигрываетъ мѣсто для разбѣга; такъ было и въ этомъ случаѣ, какъ это мы увидимъ. Какъ бы то ни было, но соціологическій индивидуализмъ Михайловскаго закончилъ собой XIX-ый вѣкъ: никто въ этой области не пошелъ далѣе его; въ сферѣ художественнаго творчества одновременно съ нимъ дѣйствовали такіе титаны индивидуализма, какъ Достоевскій и Л. Толстой, въ сферѣ критической мысли онъ самъ былъ титаномъ индивидуализма и ему

не съ кѣмъ было „помѣряться главами“ въ семидесятыя и восьмидесятыя годы. Девяностые годы попытались его развѣнчать, но попытка оказалась тщетной, а въ преддверіи XX-го вѣка неоиdealистическое теченіе снова вернулось къ соціологическому индивидуализму Михайловскаго, обосновавъ его на фундаментѣ индивидуализма этического; это новое теченіе воздало должное и Михайловскому. Во всякомъ случаѣ, въ исторіи эволюціи русской мысли и индивидуализма Михайловскій занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на ряду съ Бѣлинскимъ, Герценомъ и знаменитыми критиками-публицистами шестидесятыхъ годовъ.

На предыдущихъ страницахъ достаточно выяснена связь между величайшими представителями русскаго соціализма; здѣсь же необходимо обратить особенное вниманіе на то, что Михайловскій кое въ чемъ сдѣлалъ шагъ отъ Чернышевскаго назадъ къ Герцену; онъ пытался своимъ разграниченіемъ эволюціи и прогресса, органическаго и надъ-органическаго пути развитія подвести научный фундаментъ подъ знаменитое герценовское положеніе о мѣщанскомъ пути развитія Европы и анти-мѣщанствомъ—Россіи. Это было пониманіе особаго *пути*, какъ особаго *типа* развитія: положеніе, съ которымъ особенно боролся Чернышевскій. На этомъ пунктѣ народничество во главѣ съ Михайловскимъ было наголову разбито русскимъ марксизмомъ девяностыхъ годовъ, и молодое народничество начала XX-го вѣка вернулось къ незыблемой точкѣ зрѣнія Чернышевскаго.

Заканчиваемъ наше знакомство съ Михайловскимъ возвращеніемъ къ главному пункту — къ тому радикальному рѣшенію проблемы индивидуализма, которое далъ Михайловскій; посмотримъ, насколько самъ онъ считалъ такое рѣшеніе удовлетворительнымъ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ очевидно считалъ, что имъ найдено окончательное рѣшеніе задачи, по крайней мѣрѣ теоретическое; въ восьмидесятыхъ годахъ у него начинаютъ проскальзывать нотки сомнѣнія, достигающія полной опредѣленности къ девяностымъ годамъ: онъ увидѣлъ, что проблема индивидуализма имъ не разрѣшена, а только уяснена и рѣзко поставлена. Въ концѣ девяностыхъ годовъ онъ съ полной ясностью опредѣлилъ свое отношеніе къ этой проблемѣ, коснувшись мимоходомъ одной появившейся тогда книги, въ которой было высказано мнѣніе, что индивидуализмъ идетъ на убыль, что задача синтеза личности и общества теоретически рѣшена. Понимая подъ индивидуализмомъ „противопоставленіе одинокой личности всѣмъ кристаллизованнымъ общественнымъ формамъ“, Михайловскій утверждаетъ противное: индивидуализмъ, по его сло-

вамъ, это задача всего XIX-го вѣка, въ концѣ котораго онъ, Михайловскій, пришелъ къ убѣжденію, что, несмотря на всевозможныя рѣшенія (а въ томъ числѣ и его собственное), все-таки „задача вѣка не рѣшена, тяжба личности и общества не кончена“ („Литература и жизнь“; „Русское Богатство“ 1899 г., № 4).

И въ этомъ онъ былъ правъ. Проблема индивидуализма дѣйствительно не была рѣшена, хотя Михайловскій и много сдѣлалъ для ея рѣшенія. Разрѣшима ли она вообще—это мы еще увидимъ. Но Михайловскимъ она не могла быть разрѣшена уже по одному тому, что онъ обратилъ свое вниманіе только на одну сторону вопроса: его индивидуализмъ—соціологическій и соціальный, а этический индивидуализмъ почти не былъ имъ затронутъ. Правда, онъ стремился ввести этику въ соціологію, онъ основывалъ все свое міровоззрѣніе на принципѣ примата личности, но его неглубокое философское обоснованіе и его утилитаристическое пониманіе этики не позволили ему не то что разрѣшить, но и правильно поставить проблему сущаго и должнаго. Михайловскій сумѣлъ избавить свое міровоззрѣніе отъ коренного противорѣчія эпохи шестидесятыхъ годовъ—отъ сталкиванія лбами соціологическаго и этическаго индивидуализма; онъ красочно и рельефно построилъ систему соціологическаго индивидуализма, базируясь на индивидуализмѣ этическомъ; но онъ не могъ изъ-за своего позитивнаго утилитаризма „взглянуть въ корень“ вещей и такъ глубоко поставить и понять проблему этическаго индивидуализма, какъ это сдѣлали въ то же время Толстой и Достоевскій.